

Среди богатой коллекции медно-бронзовых перегородчатых печатей можно выделить тематически близкие друг другу. Так, на нескольких ажурных, перегородчатых печатях развернуты сложные, бесспорно сюжетные композиции, и в том числе даны изображения героев- драконоборцев. На одной такой печати в центре представлено антропоморфологическое существо с птичьей головой в профиль. Плечи с опущенными вниз руками развернуты анфас, ноги даны в профиль. По обе стороны помещены извивающиеся драконы с огромными круглыми головами.

Другая фигуранная силуэтная печать также изображает стоящего человека, руки его подняты вверх, он держит за горло двух извивающихся змейных драконов, располагающихся по обе стороны от него. Под руками человека изображена пара птиц, видимо орлов в геральдической позе, олицетворявших собой силу и мощь героя. Человек, борющийся со змеями или драконами — это широко популярный в передовых центрах древнего Востока образ героя-драконоборца. Тема героя-драконоборца очень древняя, восходящая к образу Гильгамеша, героя шумерского эпоса.

Наряду с реальными людьми изображались и антропоморфные божества, так же борющиеся со змеиними драконами. В этом плане исключительный интерес заслуживает медная перегородчатая печать, отлитая в виде полуобнаженного мужчины с рогами на голове (признак божественности), одетого в короткие штаны, заправленные в сапоги с загнутыми вверх носками, что, как считают специалисты, указывает на специальную горную обувь (рис. 43, N 4). В таком случае нелишне будет отметить, что подобная обувь имеется еще у одного человеческого персонажа, так же борющегося со змеиними драконами и как бы стоящего на специальной эстраде. Рассматриваемая печать интересна тем, что здесь рогатое божество борется с пятиглавой гидрой, близко напоминая сходный сюжет месопотамской глиптики — изображение семиглавой гидры, возможно действительно восходя к древнегреческому мифу о Геракле и дернейской Гидре.

В месопотамской глиптике известен лишь один единственный пример- изображение семиглавой гидры: северобактрийская пятиглавая Гида является уникальной среди изображений на памятниках юго- западной Азии, невольно вызывая в памяти злобного, трехглавого дракона Аджи Даахака, в борьбе против которого один из персонажей "Авесты" просит богиню:

"Такую дай удачу
Благая Ардви Сура,
Чтоб одолел я Змея
Трехглавого Даахаку.
Трехпастный, шестиглазый,
Коварный, криводушный,
Исчадье дэвов злой"

С другой стороны в "Ригведе" бог Индра также борется с подобной многоголовой гидрой, стремящейся похитить жизненную воду, что может указывать на общие корни индоевропейской мифологии, но многое более раннего времени.

Следующую группу составляют печати, включающие одновременно антропоморфные и зооморфные персонажи, обединенные темой хозяина или хозяйки животного мира. На одной из них в круглом диске изображена стройная человеческая фигура: голова с коротко подстриженными волосами и небольшим носом повернута в профиль, остальная часть фигуры развернута анфас, руки с расставленными в стороны локтями, ладонями, лежащими на талии, от которой вниз спускается длинная юбка. По обе стороны от центральной фигуры помещены изображения птиц, видимо орлов, с хищно загнутыми клювами, широко распростертыми крыльями и распущенными хвостами.

Другая ажурная перегородчатая печать сохранила принципиально то же изображение: в центре — стоящая, возможно женская, фигура с головой, повернутой в профиль и руками, спокойно лежащими на талии. По обе стороны от ее плечей помещены орлы в геральдической позе, у ног пары хищников кошачьей породы типа барсов с широко разинутыми пастью (рис. 44, N 3).

Имеется еще одна ажурная перегородчатая печать, в центре которой помещена стоящая женская фигура. Голова с длинной закрученной косой повернута в профиль, остальная часть фигуры с руками на талии показана анфас, нижняя

ее часть задрапирована в длинную, расходящуюся книзу юбку. По обе стороны от фигуры помещены однотипные изображения вставших на задние ноги козлов.

В этом отношении исключительного значения заслуживает оттиск цилиндрической печати, встреченной на одном из сосудов при раскопках храма Гонур депе (рис. 46). Центральную часть композиции составляет крылатая обнаженная человеческая фигура с птичьей головой и клювом. Обеими руками этот фантастический персонаж держит за задние ноги двух поверженных вниз головой крылатых козлов. Между этими персонажами располагаются фигуры орлов в геральдической позе и маленькие птички, показанные в полете. Подобные существа — птицелюди известны в бактрийской глиптике, где они изображались восседающими на тронах или животных. Эти птицелюди неизвестны пока ни в Иране, ни в Месопотамии, но зато имеются на печатях Сирии и Анатолии. Как ни покажется странным, но подобные изображения встречаются на Кипре и в Греции, куда они попали, скорее всего, из соседней Анатолии в результате культурных контактов.

Великолепным образцом этой серии печатей является одна серебряная из Бактрии, выполненная в прорезной, ажурной технике с дополнительной чеканкой с оборотной стороны. В центре изображена стоящая стройная человеческая фигура, голова перехвачена начельной лентой и повернута в сторону, лицо сохранило округлый глаз, сильно выступающий вперед, с небольшой горбинкой нос, тонкие, но четко проработанные губы. Мускулистый торс повернут анфас, руки широко разведены в стороны с ладонями на талии. Вся нижняя часть фигуры задрапирована в длинную, доходящую до пола юбку, увенчанную волнистыми насечками. У ног, по обе стороны от человека, помещена пара львов с головами, повернутыми назад и украшенными косматыми гривами. Плавно изогнувшись тела опираются на ноги с мягкими подушечками лап, на которых гравировкой выделены пальцы, хвосты задраны на спину.

Точно такую же композицию изобразил древний ювелир на другой, золотой, печати, свидетельствуя тем самым о чрезвычайно устойчивом иконографическом образе местной мифологии (рис. 44, N 1).

Вариантом подобных композиций служит печать, отлитая в виде птицеловца, нижняя часть которого задрапирована в длинную, расходящуюся книзу юбку (рис. 43, N 3). Вместо рук изображены крылья, под которыми помещены две птицы. На всех этих печатях поражает однотипность основного статуарного образа — стоящая фигура анфас, головой в профиль, с широко расставленными в стороны локтями и ладонями, сложенными на груди, в длинной, ниспадающей до пола юбке. Близкий тип демонстрируют цилиндрические печати древневавилонского периода, где также изображена обнаженная женская фигура во фронтальной позе, иногда с повернутой в сторону головой, руками, лежащими на пояснице и развернутыми локтями. В ряде случаев это изображение дано в сопровождении животных, но не противоборствующих. Это, скорее, образ хозяйки, которая утверждает свое превосходство над животными.

Наконец еще одну, вполне самостоятельную, группу составляют ажурные печати с изображением крылатых людей или птицелюдей, восседающих на троне. В одних случаях это крылатые люди с расставленными в стороны руками, сидящие на троне, позади которых помещена фигура птички. В других случаях это люди с птичьими головами, изображенные все в той же иконографической позе: сидящие с расставленными в стороны руками и неизменной птичкой позади трона. На одной печати изображение антропоморфной фигуры с птичьей головой не имеет рук, которые заменяют изогнутые, широко расставленные в стороны крылья. И это божество, подобно другим, восседает на троне, позади которого изображена птица.

Женское крылатое божество с птичьим лицом, сидящее на извивающемся драконе, изобразил бактрийский мастер на одной круглой печати. Согласно традиционным канонам изобразительного искусства Передней Азии, божество показано в профиль, но с плечами, развернутыми анфас так, что широко расставленные в локтях руки упираются в ободок самой печати.

Среди этой группы печатей с изображением сидящих богов выделяются две, в центре которых на тронах с высокой спинкой сидят божества в виде реальных людей без крыльев и без обязательных в других случаях фигурок птичек. На одной печати это, скорее всего, женская фигура, облаченная

в длинные одеяния типа шумерского конакоэ, спокойно восседающая на троне. Специалистами уже было справедливо отмечено, что иконография божеств, восседающих на троне с высокой спинкой, происходит из северной Месопотамии, составляя характерную особенность сиро-хеттской глиптики. Собственно в Месопотамии, в Вавилонии, божества практически все сидят на тронах без спинок, что конечно не случайно.

Известны три печати, на которых, по-видимому женские, фигуры восседают на фантастических животных, львоподобных, с рогом и бородкой. На одной медной печати женская фигура показана пьющей из кубка, на серебряной она сидит, как амазонка, с разведенными в стороны локтями, ладонями на талии, из-за плеч высовывается пара козликов. Сама поза этой фигуры прямо перекликается с вышеупомянутыми, но фронтально стоящими, а общая композиция лишний раз указывает на превосходство этого персонажа над животными, в том числе фантастическими. Уже было отмечено типично месопотамское происхождение этого мотива, причем козлики над плечами указывают преимущественно на районы Сирии.

Удивительно, что помимо антропоморфных божеств, на одиночных перегородчатых печатях центральное место занимают изображения обезьян в профиль, иногда сидящих на специальном возвышении- кресле. Известны бронзовые скульптурные статуэтки обезьян, с какой-то поклажей на спине. По определению специалистов, они более всего напоминают тонкотелую обезьянку из рода лангуротов или хануман, на что указывает их изящное телосложение, круглый короткий череп, форма морды и ушей. Хануман является священной обезьянкой Индии, а изображения обезьян на печатях ближе всего напоминают профиль макаки-резуса, - и те, и другие известны на карте ископаемых севера Индостана. Обращение к образу обезьяны в регионе, столь далеком от мест ее естественного обитания, предполагает пришлый характер этого сюжета, занесенного скорее всего из Индии, где именно эта порода обезьян до сих пор считается священной.

Бессспорно особого интереса заслуживает массивная медная силуэтная печать, отлитая виде горбатого быка, стоящего на ладье, изображенной, в свою очередь, в виде извивающегося двуглавого змея или дракона. Профильная фигу-

ра быка сохранила морду с круглым глазом и выделенным ртом, голову венчает пара развернутых анфас рогов. Подчеркнутый горб и задорно загнутый хвост дополняют общий образ этого популярного животного древневосточного искусства. Оборотная сторона имеет не плоскую, а, наоборот, выпуклую поверхность, подчеркивающую мощную мускулатуру тела, детализированную передачу морды с круглым глазом и полуоткрытым ртом.

Хотя образ быка был широко распространен в древневосточном искусстве, бактрийский памятник демонстрирует безусловно мифологический сюжет, и в этом отношении вспоминается бронзовая пластина из Месопотамии с изображением ладьи, корма и нос которой напоминают змеиные головы, а вся сцена может отражать нижний, потусторонний, мир.

Наконец, имеется еще одна группа, но не медных печатей, а каменных амулетов с антропоморфными божествами, показанными в характерной коленопреклоненной позе, они заслуживают более подробного рассмотрения. В настоящее время известно всего несколько таких каменных амулетов с однотипными фантастическими персонажами: профильная коленопреклоненная человеческая фигура с орлиной головой, посаженной на мощный торс, из-за плеч вверх поднимаются возможно языки пламени или крылья. Правая рука поднята вверх, левая опущена, причем между ней и корпусом помещена извивающаяся змея с раскрытым ртом, из которого высовывается раздвоенное на конце жало. На второй, обратной, плоскости помещена крылатая фигура льва с повернутой назад головой и разинутой пастью. Вариантом является аналогичная коленопреклоненная антропоморфная фигура с птичьей головой, торс высоко под грудью перехвачен двойным поясом, ниже которого спускается короткая юбочка. Одна рука поднята вверх, из-за ее плеча поднимаются языки пламени, вторая опущена вниз, причем в полном согласии с вышеописанной фигурой здесь также помещена извивающаяся змея.

На последнем амулете, изготовленном из черного серпентина, изображена принципиально та же коленопреклоненная фигура с птичьей головой, рядом четко читается фигура быка, перед которым изображен скорее всего плод граната на высоком стебле, выше помещена либо змея, либо

извивающийся дракон с ушастой головой. На второй плоскости выгравировано фантастическое животное, ближе всего напоминающее ламу, но с двумя горбами на спине, перед которыми помещена плетенка. Налицо явно синкретичное существо, впитавшее в себя характерные черты по крайней мере двух животных, один из которых, судя по двум горбам, изображает верблюда-бактриана, родиной которого считается Бактрия.

Итак, несколько бактрийских амулетов демонстрируют однотипные антропоморфные изображения с птичьими головами, выгравированные в общей для них всех иконографической позе — всегда в сопровождении неизменного персонажа, змеи, под рукой. Уже было отмечено, что подобные изображения людей с птичьими головами наиболее популярны были в сиро-хеттской глиптике, причем по единодушному мнению специалистов это изображения демонов-грифонов. Кроме общего иконографического сходства роднит их наличие зубчатого гребня на головах как сиро-хеттских прототипов, так и их бактрийских реплик (рис. 47).

Налицо явно сюжетные композиции, включающие несколько бесспорно взаимосвязанных персонажей, а вместе они отражают какой-то эпизод местной мифологии, некогда распространенной в бактрийской среде. В таком случае демоны-грифоны, с упорным постоянством повторяющиеся на бактрийских амулетах, занимая центральное место, скорее всего, играли главную роль в таких мифологических повествованиях. Столь же постоянными являются изображения змей, которые однако всегда выступают на втором плане, составляя тем самым повествовательный фон.

Сколько бы ни сетовать на отсутствие письменных данных, этого единственного источника для подлинной расшифровки таких композиций, наиболее вероятным представляется видеть в них гениев, духов — охранителей человека, которым были посвящены целые мифы, и в которых участвовали также змеи, животные, птицы и растения. По широко распространенным в древности поверьям, человек при рождении получал своих двойников, охраняющих добрых и злых гениев, графическим отражением чего возможно и служат птицеяды с рассматриваемых бактрийских амулетов. Нас не должно смущать отсутствие крыльев: птичьи головы сами по себе уже предполагают их наличие, так что подобные гении мыс-

лились древними как обитающие в небесной сфере, хотя сопровождающие их изображения — змеи, животные, растения — снова возвращают гении на землю.

Вариантом того же сюжета может служить уникальная медная печать с изображением коленопреклоненного орлоподобного человека: голова с хищным клювом повернута в профиль, руки — крылья с четко проработанными перьями разведены в стороны, узкая талия, коленопреклоненные ноги с четко проработанной напряженной мускулатурой — все это близко традициям ассирийских барельефов. Мифологические персонажи в виде крылатых антропоморфных божеств с птичьими головами, но не коленопреклоненные, а стоящие, известны на цилиндрической печати древнеиранского поселения тепе Яхья.

Если раньше коленопреклоненные фигуры известны были лишь в Бактрии, то теперь они обнаружены и в Маргииане, как например на одном лазуритовом амулете, где, хотя и схематично, изображен принципиально тот же иконографический образ. В другом случае, на трехгранный призме, мы видим изображение птицеголового человека, поза его иконографически близка выше рассмотренным (рис. 48).

Подобные крылатые образы чаще всего определяются как мифологические духи, но в тех случаях, когда это обнаженные женские фигуры, они могут быть определены как божества. Если сравнивать между собой сиро-хеттские и бактрийские печати с антропоморфными фигурами, то налицо их близкое сходство, исключающее случайное совпадение. В сиро-хеттской глиптике именно во втором тысячелетии резко увеличивается изображение фантастических существ — человеческое тело, голова птицы или зверя. Их образы сохраняются в ассирийском искусстве, где они определяются как добрые и злые гении. Следует отметить, что в сиро-хеттской глиптике духи-гении никогда не показаны в сочетании со змеями. Здесь бактрийские печати демонстрируют чисто местную переработку привнесенного образа.

Думается, что бактрийские образы как духов-гениев, так и сидящих на троне антропоморфных божеств, продолжают традицию, идущую из сиро-хеттского мира через иранское посредство вплоть до Бактрийской равнины. И, наконец, не случайно бактрийские крылатые божества всегда показаны сидящими на троне, часто с расставленными в стороны и

поднятыми вверх руками, упирающимися во внешний круглый ободок печати. В этом отношении они чрезвычайно близко напоминают божества сиро-хеттской глиптики, в той же иконографической позе, с воздетыми вверх руками, как бы поддерживающими небосвод и, видимо, мироздание в целом.

Ярким свидетельством влияния искусства сиро-хеттского мира на бактрийскую глиптику может служить уникальный в своем роде крупный медный прямоугольный амулет, происходящий из антикварных лавок Кабула. На одной стороне сохранилось сильно окислившееся изображение антропоморфного существа с птичьей головой в профиль с поднятыми вверх перед грудью руками, длинными, ниспадающими до пола одеяниями и опущенными вниз крыльями. Подобные фантастические существа достаточно широко распространены были в сиро-хеттском искусстве вплоть до ассирийского и ахеменидского времени. Сходство настолько близкое, что предполагает их взаимную связь. На второй стороне того же амулета имеется ставшее уже типично бактрийским изображение: крылатый лев с разинутой пастью и выделенным загривком в окружении извивающихся змей. Налицо соединение как привнесенных образов, бесспорно уходящих своими истоками в передовые центры Передней Азии, так и чисто местных, бактрийских образов с их выработанным репертуаром мифологических представлений, в которых обязательными персонажами выступают змеи.

Наконец, имеется еще один аспект бактрийско-марганицкой глиптики и сфрагистики. Выше уже неоднократно отмечались западные источники их, уходящие через Иран и Элам в Месопотамию. Вместе с тем в настоящее время имеется возможность уточнить это предположение на конкретном материале. Имеются в виду иконографические и стилистические аналогии, уводящие нас к сиро-хеттской и, что особенно важно, к митанийской глиптике. Для этого достаточно вспомнить уже упоминавшиеся выше наблюдения, говорящие о том, что особая группа божеств обнаруживает не просто месопотамские, а северомесопотамские связи, связи, уходящие в Малую Азию и Эгейский мир.

Уже крупнейший специалист древней глиптики Г.Амье прямо отмечал, что коленопреклоненные антропоморфные гении-духи бактрийской глиптики восходят к сирийским прототипам, так как трудно предположить, что они

возникли в обеих странах самостоятельно. Это же можно сказать об основных божествах бактрийского пантеона — крылатых, антропоморфных персонажах, нередко с птичьими головами. Их прямые, но бесспорно более ранние прототипы опять-таки восходят к сиро-хеттским образам. В этом плане исключительный интерес представляют бактрийские персонажи с птичьими трехпалыми лапами, что, по мнению того же автора, указывает на сильное митанийское влияние. Точно так же, фронтально развернутые фигуры с руками, сложенными на талии, так называемой "хозяйки" животного мира, в конечном счете тоже происходят от сиро-хеттской богини, которая часто встречается в той же позе, или сидя на животных (рис. 49).

К этому добавим, что мотив "древа жизни" с предстоящими животными, воспроизводимый на памятниках глиптики Бактрии и Маргианы, также находит прямые и недвусмысленные аналоги все той же сиро-хеттской глиптики. Доказательством тому служат изображения пары козлов, предстоящих у центрального дерева — едва ли не единственный мотив на керамике Бактрии и Маргианы. Кроме того, эта тема нашла отражение в местной глиптике, как например на одном маргянском амулете, где у "древа жизни" на задних ногах стоит пара тех же козлов.

Нелишне будет отметить, что в глиптике Месопотамии изображения крылатых львов, фронтально стоящих божеств с руками на животе, птиц у изножий тронов, на которых восседают боги, появляются практически одновременно с распространением этих образов в Бактрии и Маргине, в период III Династии Ура и древневавилонский период, то есть в самом конце III тысячелетия до нашей эры. И хотя пока еще трудно сопоставить между собой эти вполне очевидные факты, историко-культурная связь их не вызывает сомнений. Это особенно показательно, так как заселяют Бактрию, и отчасти Маргину, пришлые с запада племена, о чем подробнее будет сказано ниже.

Бесспорно принципиально важное значение для выявления западных связей имеет уникальная цилиндрическая печать, найденная в погребении селения Тоголок-1. Печать изготовлена из черного стеатита в виде цилиндра с ушком, на торце выгравировано растение типа мака. Центральную часть экспозиции составляют две антропоморфные фигуры,

лицом друг к другу, держащие стоящий между ними шест, через который прыгает акробат. Справа изображен бык, стоящий на задних ногах, одна из его передних ног опущена, вторая отставлена в сторону, как бы ведя наш взгляд на сидящее во втором регистре божество с жезлами. Слева от центральной микрокомпозиции сидит, вытянув ноги, музыкант, бьющий в огромный барабан, покоящийся на его ногах. Еще дальше располагается сидящий антропоморфный персонаж с жезлом и скипетром в руке. Наконец, во втором регистре — уже упомянутое божество и рядом с ним волк или собака.

Налицо явно сюжетная композиция, построенная по принципу симметрии, характерной для сиро-хеттской глиптики. Генеральная тема всей композиции глубоко мистическая. В самом деле, здесь нет ни одного реального человеческого персонажа, а лишь антропоморфные существа с головами животных, возможно обезьян, что уже само по себе может намекать на секретный характер всей композиции. Как мы помним, в изображениях на памятниках Бактрии обезьяны занимают значительное место: они, подобно подлинным божествам, нередко восседают на тронах.

Изображения обезьян были привнесены в сиро-хеттскую глиптику из Египта. В искусстве Египта им чаще всего отводится роль комических, а порой и карикатурных персонажей, в то время как в Малой Азии им уделяется место культовых служек.

Исключительного внимания заслуживают обезьяны-музыканты из Канеша (Турция), а в Хеттском царстве антропоморфные божества с птичьими головами, находящие соответствия в бактрийско-маргианской глиптике. В еще большей степени показательны "капеллы животных" из западноазиатского искусства, маргианскую реплику которых демонстрирует рассматриваемый цилиндр. Божества с жезлами в обеих руках, которые изображены на этом цилиндре, определяются как месопотамские эмблемы бога солнца Шамаша.

Для нашей темы наибольшее значение имеет один сиро-хеттский цилиндр с изображением двух людей, держащих вместе такой жезл с шарами — мотив, как считают, идущий из Митании. В другом случае два коленопреклоненных гения-духа также держат вместе жезл с шарами, демонстрируя тем самым вариацию на эту тему.

Хотя тема акробата, прыгающего через шест, уникальна, она находит формальные соответствия в других регионах древнего Востока, особенно в сирийской глиптике митанийского стиля. Правда, здесь акробаты показаны преимущественно прыгающими через лошадей. К этому можно добавить известные критские изображения акробатов, прыгающих через быков, что нашло отражение в греческой глиптике. Высказано мнение, что акробаты сирийской глиптики в конечном счете восходят к крито-египетским прототипам, так что маргианский цилиндр может отмечать наиболее восточный пункт распространения этого редкого мотива.

Возникает закономерный вопрос: является ли рассматриваемая композиция следствием культурных влияний или же ее привнесли вместе с собой пришлые в Маргиану племена?

Сейчас можно считать доказанным, что племена, колонизовавшие Бактрию и Маргиану в начале II тыс. до н.э. не были завоевателями, но пришли сюда вместе со своими домочадцами, с женами, детьми, стариками, со всем своим скарбом и конечно же со своими собственными религиозными представлениями. А ведь вышеотмеченные параллели обнаруживаются не на бытовых изделиях, а на культовых, то есть касаются идеологических представлений человека, наиболее консервативных областей человеческой культуры. В самом деле, достаточно четкий и устойчивый комплекс изобразительных памятников Бактрии и Маргианы с одной стороны и Месопотамии — с другой в конечном счете восходит к северо-ромесопотамскому пантеону божеств, где можно предполагать истоки этих конкретных религиозных представлений.

Если бактрийско-маргианский пантеон распространяется здесь вместе с расселением новых племен, то при всех возможных вариантах эта миграция не могла миновать промежуточной территории восточного Ирана. Тогда понятно, почему крылатые антропоморфные божества с птичьими признаками точно так же, как стоящие фронтальные развернутые женские божества с руками, сложенными на талии, представлены восточно-иранской глиптикой Шахада и тепе Яхъя. Видимо не случайно и здесь имеются изображения птиц в качестве эмблемы божества, музыкант, играющий на барабане, до определенной степени напоминая с одной стороны божества и персонажей культовых церемоний Сирии, а

с другой — Бактрии и Маргианы. Осталось добавить, что и сам археологический комплекс восточного Ирана начала II тысячодю н.э. занимает как бы промежуточное место, обнаруживая прямые, отчасти возможные генетические связи с Бактрией и Маргианой и в меньшей степени с Эламом, историческая связь которого с Месопотамией общеизвестна.

Особого интереса заслуживает тот факт, что многие сиро-хеттские прототипы бактрийско-маргианского пантеона в свою очередь определяются как отражающие митанийский стиль в месопотамском искусстве, как например упомянутый уникальный бактрийский топор с двуглавым демоном, у которого ноги заканчиваются птичьими лапами, жезлы с шарами, композиция с акробатами, гибридные антропоморфные персонажи с головами животных и так далее. Все эти наблюдения, выступающие пока в общей форме, не могут быть не сопоставлены с митанийскими племенами, арийская принадлежность которых подтверждается письменными данными. В этом государстве были найдены клинописные таблички, в которых упоминаются имена индоиранских божеств. Думается, пришлые племена, колонизовавшие в начале II тыс. до н.э. Бактрию и Маргиану, не случайно обнаруживают связи с митанийским искусством, за чем видимо скрываются и реальные исторические события, связанные с расселением индоиранских племен.

Для этого еще раз обратимся к маргианскому цилиндуру, общая композиция которого (прыгающие акробаты), отдельные персонажи (божество с жезлом, с шарами, люди с головами животных), находят весьма впечатляющие аналогии в митанийском искусстве. В свою очередь, вся сцена маргианского цилиндра связана с культовыми, а не светскими празднествами, тайный мистический характер которых подчеркивают сами гибридные персонажи. Налицо ритуальное празднество с четко выработанной культовой обрядностью, до определенной степени напоминающее элевсинские мистерии Греции. Почти можно не сомневаться, что эти религиозные представления и культовые церемонии были привнесены в Бактрию и Маргиану пришлыми племенами, которые на своей новой родине продолжали твердо придерживаться своих собственных верований и старых традиций.

Но вернемся к центральной теме рассматриваемого цилиндра, к акробату, прыгающему через шест. Общеизвестно,

что в крито-микенском искусстве это одна из популярных тем, но там, как правило, акробаты прыгают через быков. Это формальное несоответствие до определенной степени восполняется вышеупомянутым каменным амулетом, выточенным в виде двугорбого верблюда. На обратной стороне амулета изображен стремительно мчащийся бык, которого сверху атакуют три орла, сзади же, над хвостом быка, сохранился фрагмент с изображением ног летящего в воздухе акробата. Осталось отметить частично сохранившуюся в основании амулета сцену охоты лучника с собакой на горного козла, находящую прямые, доходящие до тождества, соответствия в позднеаккадском искусстве, чтобы считать доказанным общезападное происхождение всех этих сюжетов.

Заканчивая краткий обзор глиптики и сфрагистики Бактрии и Маргианы нетрудно прийти к одному бесспорному выводу — они отражают чрезвычайно сложные мифологические представления местных племен. Это особенно касается сюжетных тематических композиций, явно повествовательных, в свою очередь указывающих на высокий интеллектуальный уровень местного населения. И лишь полное отсутствие письменных данных заставляет ограничиться столь общими заключениями. Тем не менее со всей определенностью можно сказать, что главная тема бактрийско-маргианского искусства — борьба змей и драконов за обладание жизненной силой отражает важнейшие религиозные представления этих племен. Близко к этой теме стояли мифы, связанные с поэтическими повествованиями о героях-драконоборцах, борющихся с темными силами, врагами рода человеческого.

Если ирано-месопотамские параллели бактрийско-маргианским образам и темам не вызывают сомнений, а сиро-хеттские выступают вполне вероятными, то в последнее время новейшие данные позволяют выдвигнуть еще одно предположение, связанное с древнегреческой мифологией. В самом деле, вспомним амулеты со сценой терзания орлом поверженного на землю человека, близко перекликающейся с мифом о Промете, печать в виде героя, борющегося с многоголовой гидрой, и в особенности тему акробатов, то прыгающих через шест, то через быка, чтобы убедиться в реальности их взаимных сопоставлений. Не исключено, что и греческие, и бактрийско-маргианские сцены являются отражением много более древних общих мифов, восходящих к греко-армяно-

арийской языковой общности, предполагаемой лингвистами в Передней Азии, до их расселения в виде ахейских племен в материковую Грецию, а арийских, индоиранских племен — в юго-западную Азию, и в частности в Бактрию и Маргиану.

Глава VII. Древний Пантеон.

Вышеприведенный обзор глиптики и сфрагистики Бактрии и Маргианы позволяет уже сейчас в предварительном порядке сделать некоторые общие выводы и реконструировать бытые религиозные представления людей того, дозороастрийского времени.

Первый и основной вывод касается доказанного факта существования древнего пантеона, документируемого, в основном, соответствующими материалами Бактрии. Доказательством тому служат медные печати и каменные амулеты с изображением в центре крылатых, антропоморфных персонажей с человеческими или птичьими головами. Тот факт, что некоторые из них сохранили на голове рога, с бесспорностью указывает, что перед нами именно божества, а не просто выдающиеся лица или герои местной мифологии.

Судя по наличию птичих признаков, и в особенности крыльев, можно предполагать, что местом обитания этих божеств являлось небо-верхняя сфера космогологической модели мира. Иначе говоря, бактрийско-маргианский Олимп, подобно греческому, находился на небе и был населен различными божествами. Более сложен вопрос: имеем ли мы здесь одно божество, и оно представлено в разных ипостасях, или же это различные божества. Вспомним, крылатое антропоморфное божество с птичьим или, наоборот, человеческим лицом в одном случае спокойно восседает на троне, причем его непременным спутником или атрибутом является птица, сидящая у изножья трона. В другом случае это же божество сидит верхом на змее или драконе, реальных или фантастических животных, а еще в одном случае — на львином драконе. Такая взаимная корреляция практически одних и тех же персонажей намекает на сложную ступень развития идеологических представлений, когда идет процесс выработки общего иконографического образа одного, а затем в конечном счете единого, божества. В этом плане исключительного значения заслуживает документально установленный факт существования наряду с орлоловыми двуглавых антропоморфных персонажей, наподобие упомянутого выше серебряно-

го бактрийского топора. Наличие двух голов должно было подчеркнуть превосходство этих существ над одноглавыми, свидетельствовать о двойном усилении их мощи и величия и, в конечном счете, их преимущество над остальными. Думается, именно эту идею пытались воплотить древние мастера, когда они изображали двуглавых, орлоподобных божеств, которые уже стояли выше над одноголовыми, возможно приобретая ранг верховных божеств. Но ведь творения древних мастеров отражают те идеологические представления, что окружали их в повседневной, реальной жизни.

Не доказано, но в высшей степени вероятно, что уже сейчас имеются веские основания предполагать существование особого пантеона антропоморфных божеств во главе с двуглавым божеством, возможно уже верховным. В таком случае очевидно, что древний пантеон Бактрии (и, как можно предполагать, Маргианы) находился на той стадии развития, когда шел интенсивный процесс перехода от многобожия к единобожию. Налицо тенденция сложения единобожия, которая получит свое завершение в последующее время при реформе Зороастра. Думается, на этой дозороастрийской стадии существовал свой древний пантеон, в целом общий для Бактрии и Маргианы, но пока, как это уже говорилось, еще затруднительно судить, были ли это особые по своей персонификации божества или одно божество, но в разных ипостасях. Тем не менее в предварительном порядке можно выделить несколько иконографических типов, возможно, отражающих разные божественные сущности.

Первый тип составляют крылатые, антропоморфные персонажи с человеческой или птичьей головой, с расставленными в стороны руками (в одном случае — с расставленными в сторону крыльями), всегда сидящие на троне. Главным их атрибутом являются птички, помещенные у изножья трона. Вариантом этого типа может служить фигура реального человека (мужчины или женщины), сидящего на троне с высокой спинкой (рис. 50).

Второй тип передают те же крылатые, антропоморфные персонажи, но сидящие на реальных или, наоборот, фантастических животных, а в одном случае на драконе. На вышеупомянутой серебряной бактрийской печати на львоподобном существе сидит бесспорно женская фигура (рис. 51).

Третий тип составляют все те же антропоморфные персонажи с человеческими или птичьими головами, но как будто бы без крыльев, выступающие в образе драконоборцев (рис. 52). Пока еще трудно судить, являются ли они также божествами или это обожествленные герои. Возможно, сюда же должны быть отнесены стоящие в спокойной позе, стройные, как мужские, так и женские фигуры с разведенными в стороны руками и ладонями, сложенными на талии, в окружении птиц и животных. Среди этого типа пока не отмечены персонажи с птичьими головами, поэтому как фигуры драконоборцев, так и эти скорее всего передают образ хозяина или хозяйки всего сущего на земле. Вместе с тем тот документально засвидетельствованный факт, что в одном случае голова драконоборца украшена рогами, а также частое присутствие в качестве символов птиц, по преимуществу орлов, намекает на обожествление былых реальных прототипов. В еще большей степени показательна печать, общую композицию которой составляет центральная фигура драконоборца с помещенными под его руками орлами в геральдической позе. Очевидно, что это уже не просто герой-драконоборец, а обожествленный герой, возможно уже включенный в древнебактрийский пантеон.

Вероятно, животные и драконы, которые сопутствовали божествам или на которых они восседали, выступали также как их своеобразные атрибуты. В таком случае антропоморфное божество с птичьей головой, восседающее на драконе, близко соответствует по своему значению драконоборцу с парой птичек под руками.

О сложной иерархии древнебактрийского пантеона свидетельствует уже упоминавшийся уникальный серебряный с позолотой церемониальный топор, отлитый в виде крылатого человека с двумя орлиными головами, руки и ноги которого заканчиваются орлиными лапами. Что это — еще одно божество в ряду других или уже выделившееся верховное божество того же пантеона? Как уже было отмечено, двуглавый орел уже сам по себе предполагает превосходство над всеми другими, а в нашем случае — над антропоморфными орлоголовыми божествами, возможно действительно указывая на его обособленное, явно многое более престижное положение среди всех остальных божеств древнебактрийского пантеона. Вспомним крылатого льва с бородкой и рогом,

которого когти двуглавое божество. Ведь точно на таком же фантастичном животном восседает полуобнаженная женская фигура, изображенная на уже неоднократно упоминавшейся серебряной печати. Налицо вполне выработанная иерархия древнебактрийского пантеона со сложной системой мифологических представлений. Можно не сомневаться, что будущие исследования во многом уточнят и конкретизируют наши нынешние представления о древнем пантеоне, точно так же можно не сомневаться, что основной архетип, иконо-графический образ антропоморфного божества с птичьими признаками, был навеян сиро-хеттскими божествами. Именно здесь были распространены духи-гении, антропоморфные, крылатые, с птичьими головами, нередко с руками и ногами, заканчивающимися орлиными лапами. По существу в древнеассирийском пантеоне мы находим основные персонажи древнебактрийского пантеона, но безусловно видоизмененные. Более того, некоторые персонажи глиптики и сфрагистики Бактрии, и отчасти Маргианы, находят, как уже отмечалось, убедительные прототипы в митанийском искусстве, что, хотя, пока еще выступает в самой общей форме, но что никак нельзя сбрасывать со счетов при будущих исследованиях.

Как бы то ни было, в настоящее время, когда мы только стоим на пороге изучения идеологических представлений Бактрии и Маргианы, для нас имеет принципиально важное значение факт существования своего пантеона, обнаруживающего бесспорные связи с сиро-хеттским и, что особенно важно, с митанийским пантеоном. Если будущие исследования подтвердят такое предположение, то появятся веские основания видеть связь, хотя и в опосредственной форме, между митанийскими, древнебактрийскими и арийскими религиозными представлениями.

Следующую область идеологических представлений Бактрии и Маргианы составляют своеобразные духи как добрые, положительные по отношению к человеку "ангелы", так и отрицательные демонические существа - "дэвы". Последние по преимуществу представлены змееподобными, часто извивающимися существами, нередко мохнатыми, рогатыми, пучеглазыми, с широко разинутыми пастью драконами, злобная, агрессивная сущность которых по отношению к людям не вызывает сомнений. Эти ярко выраженные демони-

ческие существа, злые духи, своего рода дэвы, занимают как бы промежуточное положение между миром людей и божеств. Хотя отдельные демонические существа имеют крылья, а иногда, участвуют в сложных композициях на амулетах и печатях, где они показаны парящими в воздухе, атакуя сверху свои жертвы, они нигде не представлены в пантеоне божеств и тесно связаны с человеком в его повседневной, реальной жизни. Они существуют не на небесах, а, напротив, ежедневно и ежечасно окружают человека в его жизни (рис. 53).

Мир добрых существ представляют птицы, животные, рептилии и членистоногие, игравшие положительную роль по отношению к людям. Это как реальные, так и фантастические существа (крылатые верблюды, быки, антилопы, орлы, змеи, лягушки, скорпионы и т.д.), персонифицирующие собой жизненную силу и вообще благополучие человека при его жизни на земле. Не совсем ясна роль крылатых львов и пантер, но в целом, как думается, играющих также положительную по отношению к человеку роль.

Итак, отрицательным драконам противостоят добрые существа, причем постоянная, извечная борьба между которыми составляет едва ли не генеральную идею, заложенную как бы в закодированном виде в сюжетные, явно тематические, композиции амулетов и печатей Бактрии и Маргианы. Вспомним, что очень часто птицы и животные показаны в явно оборонительной позе, они как бы отбиваются от злобных драконов, пытающихся подобраться к ним и похитить жизненное семя, а вместе с тем и жизненную силу, источник продолжения жизни на земле. Вот эта-то извечная борьба между добрыми и злыми существами, а в конечном итоге между Добром и Злом, и составляет основную этико-философскую концепцию племен, обитавших в Бактрии и Маргiane в дозороастриское время (рис. 54).

Вместе с тем на этом дозороастриском периоде далеко не всегда победа в извечной борьбе и противоборстве остается за рептилиями и членистоногими. Уже упоминались амулеты, на которых под животами мирных парнокопытных извиваются не рептилии, а змееподобные драконы, успевшие определить первых (рис. 55). В ряде случаев они, тут обив тела птиц и животных, злобно и ревниво охраняют свои жертвы от возможного посягательства со стороны других существ. Ина-

че говоря, существовавшие тогда верования допускали, что в этой борьбе победа далеко не предопределена в пользу добрых сил, а могла достаться и злым драконам, действовавшим во вред человеку.

Доказательством тому могут служить несколько амулетов, происходящих как из Бактрии, так и Маргианы. В этом плане исключительного интереса заслуживает один марганский амулет с изображением змееподобного дракона, пожирающего змею. В другом случае огромное чудище с громадной головой, увенчанной "антеннами", набрасывается на двух поверженных на землю людей (рис. 56). Чрезвычайно широк репертуар былинных сказаний, в которых главная тема связана с борьбой человека с темными силами мироздания.

Наконец, из разграбленных могил Бактрии происходит великолепный каменный амулет со сценой терзания человека громадным змееподобным драконом, из его широкоразинутой пасти видна лишь верхняя часть жертвы. На обороте этого же амулета выгравированы птицы, предположительно орлы, дружно набрасывающиеся на змеевидное существо, по-видимому дракона, как бы защищая вышеупомянутую жертву. Налицо этико-философская концепция дуалистического противостояния, борьбы добра и зла, которая была широко распространена у жителей Бактрии и Маргианы, составляя сущность их восприятия мира. Борьба добра и зла, хотя и в реформированном виде, прослеживается в последующей зороастрийской религии, где она получает более законченный вид в чеканных формулировках пророка. Конечно, дуализм был присущ и многим другим древним религиям мира, но пока с документальной точностью он зафиксирован в очерченной историко-культурной зоне, население которой если и не было еще индоиранским, то древнеиранским или восточноиранским наверняка уже было. Мы не можем замыкаться в узких рамках Бактрии или Маргианы, напротив, имеются все основания включить в эту зону восточный Иран и Белуджистан, и лишь их слабая изученность в археологическом отношении препятствует более определенным доказательствам в настоящее время.

Среди злых и добрых персонажей печатей и амулетов Бактрии и Маргианы особое место занимают крылатые хищники, преимущественно крылатые львы, всегда в одной об-

щей иконографической позе: в профиль, с широко разинутой пастью и далеко заброшенным назад хвостом. Как правило, под животами их всегда извиваются то рептилии, то членистоногие. Знаменательно, что крылатые львы никогда не показаны с повернутой назад головой, то есть обороняясь, а, наоборот, олицетворяя собой мощь, силу и бесстрашие. Тот факт, что именно эти изображения постоянно повторялись как бактрийскими, так и марганскими камнерезами, показывает, какое особое место занимали они в местной мифологии.

Если божества и, предположительно, обожествленные герои, судя по всему, обитали в верхней небесной сфере, то вторую сферу космогонической модели составляла земля, населенная людьми, животными, птицами, рептилиями. Народное мифотворчество поэтизировало природу, выделив хозяина или хозяйку, которым подвластны были все силы природы, и в первую очередь животный и пернатый мир. Среди рядовых общинников уже выделяются отдельные личности, превосходящие всех остальных силой и неустрешимостью, что находит свое выражение на печатях типа героев-драконоборцев. Большое место во взаимоотношениях человека и природы занимали рептилии и скорпионы, однако конкретная роль их еще остается по преимуществу в области догадок. Правда, некоторое представление об этом дают уже упоминавшиеся ритуальные культовые сосуды, украшенные по верхнему бортику скульптурными фризами. Как мы помним, внутри таких сосудов всегда помещены налепные украшения только лишь змей и лягушек, связь которых с водой общеизвестна: обычно такие сосуды были наполнены жидкостью, имитируя водную гладь, из которой как бы выползают наверх рептилии. Можно допустить, что бортик с фризом — это земная твердь с населяющими ее людьми, птицами и животными. Создается впечатление, что водная гладь символизирует собой третий подземный мир, который у многих народов мира часто ассоциируется с царством мертвых, куда после смерти переселяются души умерших. Не исключено, что по представлениям бактрийцев, потусторонний мир, царство мертвых, помещался под землей, где он мыслился в виде водной стихии, иначе, мирового океана.

Косвенные доказательства тому дают вышеописанные бронзовые зеркала (рис. 14). Зеркало, как никакой другой

предмет, окружавший человека в каждодневном быту, ассоциировалось у него с идеей старения и, в конечном счете, смертью. Это, разумеется, не могло не выработать особого к нему отношения древних, а у мастеров-литейщиков желания декорировать свои изделия темами и образами, связанными с потусторонним миром и смертью. Диски их с завидным постоянством специально украшались волнистыми завитками-волнами, скорее всего имитирующими водную стихию, "мировой океан", где в явно противоборствующей позиции изображены, видимо, змееподобные драконы и животные. Особенно показательно зеркало, на обороте которого изображен всплывающий на поверхность рогатый бык. Ему навстречу скользит змея или, скорее, змеиный дракон, в определенной степени напоминая образ "змея глубин", упоминаемого в священной книге "Ригведа". Вообще же, как это уже указывалось, в ряде случаев трудно отличить изображение змея от змеиного дракона, но при всех вариантах они являются воплощением нижнего, водного, подземного, потустороннего мира.

Думается, что аналогичную стадию мифологических представлений демонстрируют бактрийские и маргианские печати и амулеты. В тех случаях, когда змеи похищают жизненное семя, они выражают идею плодородия, выступают как символы мужского начала. И наоборот, как это видно по бактрийским зеркалам или культовым сосудам: здесь змеи, внешне не отличающиеся от драконов, возможно, являются носителями отрицательного начала и тесно связаны с водным, подземным, потусторонним миром. Здесь это уже космический змей, который в противоположность небесным богам приурочен к миру подземному. Так например, в месопотамской мифологии он часто помещается у корней мирового дерева, а древнеиндийский "змей глубин" уже по своему названию мыслится в водной стихии. В таких случаях образ змея имеет негативное значение, приобретает демонические признаки. Подобно тому, как "верхний мир" был населен крылатыми божествами, и по-видимому обожествленными героями, точно так же "подземный мир" мог быть заселен змеями, лягушками, драконами. Все это дает основание предполагать трехчленную модель мира в бактрийско-маргианской мифологии: небо — как обиталище богов и обожествленных героев, земля — как твердь земная, обитель людская

и всей живой природы в целом и подземное царство мертвых — в виде водной стихии или мирового океана.

Но имеется еще один аспект, неизвестный пока более нигде в переднеазиатской глиптике, кроме Бактрии и Маргиианы, для столь раннего времени. Это — изображения животных, под животами у которых извиваются змеи, подбираясь к живительному семени. Неожиданно близкие скульптурные изображения и стенные росписи демонстрируют памятники искусства, хотя и более позднего, римского, времени. Но там они не представляют загадки, а связаны с широко распространенным культом бога Митры, где этот бог часто показан в виде человека, поражающего быка, у ног которого, как правило, извивается змея, подбираясь к семени быка. Главная функция Митры — даритель жизни, что подтверждается как многочисленными римскими надписями, так и самими скульптурными изображениями, на которых змеи, подобно бактрийско-маргианским, похищают у быка живильное семя. Доказано и не вызывает сомнений, что Митра римского времени происходит от древнеиранского бога Митры, который в "Авесте" выступает вторым после Ахура Мазды божеством. В Иране нам пока неизвестны его изображения для столь древнего времени, зато сама эта идея достаточно четко прослеживается на бактрийско-маргианских амулетах.

Хотя в "Авесте" нет прямых указаний о связи культа бога Митры с темой "похищения семени", среднеиранская зороастрийская традиция сохранила миф, согласно которому Ахриман убивает быка, из костного мозга которого вырастают колосья, чьи зерна дают жизнь новым видам животных. Поскольку доказано, что Митра периода Римской империи происходит от авестийского Митры, то и сама идея похищения семени, скорее всего, имеет одно общее происхождение. В таком случае генеральная идея похищения семени бактрийско-маргианских амулетов, воплощенная в фаллическом символизме, в конечном счете, также связана с идеей продления жизни и, наконец, бессмертием. Образная мифология, столь ярко выраженная в местной глиптике, не оставляет сомнений в ее глубокой смысловой значимости. Для этого достаточно вспомнить один маргианский амулет, где змеи похищают живильное семя у спокойно стоящего быка, которого сверху атакует дракон со злой оскаленной пастью. Возможно также не случайно, что в Римской империи Митра

изображался в виде крылатого льва с человеческим телом, которое обвивают змеи, до определенной степени вызывая в памяти крылатых львов в окружении змей все той же бактрийско-маргианской глиптики. В этом плане исключительный интерес представляет один бактрийский амулет с гравированным изображением разъяренного льва, тело которого туго обвивает змееподобный дракон. Историками религии уже давно было отмечено, что среди христианской символики имеются нехристианские изображения, в том числе львоголовые человеческие существа с широко разинутой пастью, тело которых обвивает змея. В свою очередь считается, что такие крылатые львоголовые человеческие божества более всего соответствуют древнему митраизму.

Можно было бы привести и другие доказательства, но достаточно и этих, чтобы заключить со всей определенностью о вполне вероятной связи изображений львенных существ Бактрии и Маргианы с митраизмом древнеиранских племен, который в видоизмененной форме вошел в зороастризм и затем в классическом виде выступает в Римской Империи. Во всяком случае в настоящее время только лишь глиптика и сфрагистика Бактрии и Маргианы дает наиболее древние изображения, которые могут быть сопоставлены с последующим митраизмом.

Здесь же будет к месту отметить и другие элементы митраизма, выявляемые пока еще лишь в общей форме, но опять-таки только в Бактрии и Маргиане. Имеется в виду генеральная идея похищения жизненного семени змеями и драконами у птиц и животных, и в первую очередь у быков. Подобно вышеотмеченным крылатым львам, быки всегда показаны в спокойной позе, по земле к ним подбираются змеи. И возможно не так уж покажется убедительным, что именно эту композицию отражают бесчисленные римские статуи, на которых те же змеи подползают к быкам с целью похищения жизненной силы.

Очевидно, что все эти сопоставления пока выступают в самой общей форме, но так же точно очевидно, что они не могут быть игнорированы в будущем, а, более того, требуют своего уточнения и конкретизации на новом археологическом материале. Вместе с тем, эти и другие наблюдения способствуют укреплению предположений о чрезвычайно высокой интеллектуальной жизни древнего населения Бактрии и

Маргианы, этико-философские основы чего затем находят свое продолжение в зороастризме.

Помимо Митры среди древнеиранских божеств наиболее популярной была богиня Анахита, которая позднее была включена Заратуштрой в его религию. В "Авесте" она выступает как одно из главных божеств, как владычица всего сущего на земле, олицетворяя собой идею всеобщего плодородия. Анахита — хозяйка водного изобилия, животного и пернатого мира, от которой зависит сама жизнь древнего человека, а в конечном счете — продолжение жизни на земле. В этом плане показательны вышеупомянутые печати Бактрии с изображением в центре стоящей, по-видимому женской, фигуры в общей иконографической позе: фронтально развернутая голова в профиль, руки сложены на талии — образ хозяйки животных. Они всегда показаны в окружении птиц и животных, причем не в противоборствующей позиции, как это, например, часто отмечено для месопотамской глиптики с участием птиц и животных, а, напротив, как триумфаторы. Вспомним, на бактрийских печатях с изображением животных нередки образы хищников кошачьей породы, они всегда показаны у ног этого божества, а в одном случае хозяйка гордо восседает на фантастическом львоподобном животном, бесспорно олицетворяя идею полного и безусловного его подчинения.

Но все-таки главное для древнеиранской Анахиты — олицетворение водной стихии, водного изобилия, а уж затем животного мира. В этом плане примечательна одна бактрийская находка в виде вышеупомянутого каменного флакона с изображением женского образа, но не в окружении птиц и животных, а стоящего в лодке, то есть в сочетании с водой, водной стихией. Поэтому было высказано вполне обоснованное мнение, что это может быть божество воды бактрийского пантеона, которое в "Авесте" упоминается под именем Анахиты, а в "Ригведе" как мать рек — Саразвати.

Вспомним ее изображение на бактрийском флаконе: с начальной лентой типа венка, с маленькими изящными грудями, с поясом по талии, стройная и, надо полагать, красивая. А теперь сопоставим этот образ с описанием Анахиты в "Авесте": прекрасная девушка с чудесной фигурой, с высокозавязанным поясом, который плотно охватывает талию, чтобы придать груди прекрасную форму. "Она носит на прекрасной

шее ожерелье, на голове ее венок." Уже было отмечено, что это описание Анахиты вполне приложимо к изображению бактрийской богини на флаконе, причем обе они выполняют одно и то же дело — примиряют воды, реки с плодородием земли, а, возможно, заботятся о плодовитости человека и животных.

В этом плане показательна одна так называемая составная статуэтка, головка которой посажена не на пышный торс, а на треугольную пластину, покрытую тонкогравированными волнистыми линиями, как на бактрийских зеркалах, где они передают водную гладь, водную стихию. Из этого наблюдения французские археологи сделали вполне вероятный вывод о связи этой статуэтки с образом богини водного изобилия и плодородия — Анахитой. Правда, в "Авесте" Анахита упоминается как закутанная в бобровые меха, но ведь и бобры — типично водолюбивые животные, что не противоречит высказанному предположению о возможности видеть в соответствующих бактрийских изображениях божества подобие древнеиранской Анахиты.

Хотя для времени "Авесты" у нас нет ни одного документально засвидетельствованного изображения Анахиты, показательна одна сасанидская ваза, на которой богиня несет в каждой руке по маку, протягивая вполне очевидна ее связь с изображением бактрийской богини в лодке, в окружении двух маков.

Как предполагают, с идеей всеобщего плодородия земли связаны и образы многоголовых гидр, которые в "Авесте" упоминаются в виде змеевидного дракона Аджи Дахана. Он — нарушитель миропорядка. В древнеиндийской мифологии двойник авестийского Аджи Дахана выступает под именем Вртра: "Тот, кто мешает, кто чинит препятствие." Он может задерживать мировые воды, и лишь после того, как Индра обрушивает на него палицу, вода вновь проливается благодатным потоком на землю. Смерть драконов означала отделение земли от неба, появление солнца, установление космического миропорядка.

И возможно не случайно в хеттских текстах также имеется миф о смерти дракона, поверженного богом-громоверхцем. Показательно, что и здесь это змееподобные драконы, иногда с рогом, причем смерть дракона опять связана с высвобождением подземных вод. Словом, есть веские основа-

ния предполагать, что эта тема является типично индоиранской, причем высказано вполне обоснованное мнение, что изображение драконов среди гор на бактрийский каменных коробочках возможно не случайно перекликается с мифом о том, что древнеиндийский Вртра "лежит в горах". А, кроме того, тело бактрийского дракона украшено изображениями солнца, перекликаясь с мифом, повествующим о том, что со смертью Вртра встает заря, поднимается солнце. Наконец подмечено, что имеются изображения бактрийских драконов вне всякого окружения — для того, чтобы древние люди понимали, какой миф олицетворяют эти персонажи. Налицо четкие и определенные мифологические связи Бактрии и Маргианы с древнеиндийскими авестийскими текстами. Другое дело, что конкретизация выдвинутых идей, выступающих пока в общей форме, требует новых доказательств.

Глава VIII. На широком арийском просторе

Итак, Бактрия и Маргиана демонстрируют удивительное сходство культур, сходство, за которым угадывается общность их происхождения. В предшествующих главах было показано, что по всем основным признакам Бактрия и Маргиана обнаруживают поразительное культурно-историческое единство, за которым, надо думать, скрывается и родство этническое. Иначе говоря, и там, и тут проживал один народ, говоривший на общем языке. В самом деле, типы поселений, их планировка и строительные приемы до деталей копируют друг друга; аналогичны керамические комплексы, металлическая продукция, камнерезное дело, глиптика и сфрагистика.

На этом фоне вполне очевидного сходства особенно выпукло выглядят различия с территориально много более близкими областями. Так, например, было бы естественно предполагать, что Маргиана, расположенная на востоке Туркмении, должна находить наиболее четкие соответствия в южном Туркменистане, где в плодородных оазисах издревле проживали древнеземледельческие племена. И в общей форме такое взаимное родство наблюдается, хотя и далеко уступает бактрийским связям. Для доказательства обратимся к рассмотрению той исторической ситуации, которая сложилась в южном Туркменистане накануне появления в Маргиане первых обитателей.

В эту пору плодородные земли северных склонов Копет Дага представляли собой цветущие, традиционно-земледельческие оазисы с высокоразвитой культурой древневосточного типа. Наряду с небольшими сельскими поселениями вырастают гигантские столичные памятники, вмещавшие многотысячное население. Одним из характерных внешних признаков этой культуры, с чем в первую очередь сталкиваются археологи, является высококачественная, найденная на поверхности поселений, изящная расписная посуда разнообразных форм, а также терракотовая пластика, и в первую очередь коропластика. Пожалуй, никогда раньше в системе южного Туркменистана не пользовались такой популярностью терракотовые статуэтки, которые теперь имелись почти в каждом доме. Как правило, они изображают обнаженных

сидящих женщин с пышными головными уборами, лица их имеют преувеличенно большие, как бы гипнотизирующие зрителя, глаза и огромные, выступающие вперед, носы. Все они в буквальном смысле немые: ни у одной из них не изображен рот. Зато многие из них сохранили на плечах нацарапанные еще по сырой глине знаки, передающие, как считают, конкретную персонификацию самих божков, как например: "богиня воды", "богиня растений" и т.д. Как мы помним, точно такие статуэтки встречены были археологами на многих, хотя и не на всех, поселениях Маргианы, что бесспорно указывает на взаимную генетическую связь создавших их людей независимо от того, где они проживали — в подгорной полосе южного Туркменистана или древней дельте реки Мургаб.

В этом плане весьма показателен документально установленный археологами факт запустения многих, недавно еще процветавших, оазисов подгорной полосы Копет Дага и вместе с тем интенсивное обживание бассейна реки Мургаб. В самом деле, где-то в начале II тыс. до н.э. полностью забрасывается столичное поселение Алтын депе, еле теплится жизнь на грандиозном по размерам Намазга депе, прекращают жить и полностью забрасываются небольшие сельские поселения и деревушки. В чем причина этого? Может быть, кризис еще вчера процветавших древнеземледельческих оазисов связан с катастрофическими причинами? Это могло быть естественное наступление засушливого периода, когда традиционно земледельческое население юга Туркменистана уже не получало былых высоких урожаев. Из года в год отсутствие дождей и резкое уменьшение воды в предгорных речушках действительно могло привести не только к уменьшению урожаев, но и к общему кризису древнего хозяйства. Возможно, этому способствовало вторжение в традиционно земледельческие оазисы воинственных кочевников, которые всегда с завистью смотрели на богатые, процветающие поселки мирных оседлых племен. Тем более, что в руинах поселений этого времени археологами встречены обломки грубых толстостенных сосудов степняков, выделяющихся и отличающихся от изящной тонкостенной керамики местных южнотуркменских племен. Такую посуду могли принести с собой во время военных походов кочевники-номады на пути

их предполагаемого вторжения в процветающие оазисы подгорной полосы Копет Дага.

Все гипотезы, связанные с запустением южного Туркменистана, привлекают логической системой доказательств, так как примерно в это время происходит освоение Маргiana, что, казалось бы, в наилучшей степени решает проблему в целом. Однако имеется одно, но весьма существенное препятствие — тот документально засвидетельствованный факт, что наряду с отмеченным запустением рядом с заброшенными поселками продолжает существовать огромное поселение типа Улуг депе у Душака, а около захиревшей столицы Намазга депе возникает новое поселение под современным названием Теккем депе. Как же совместить эти, казалось бы, несовместимые факты и наблюдения? Если наступил засушливый, ксеротермический период, то он в одинаковой степени должен был отразиться на положении всех древнеземледельческих поселений, точно так же и предполагаемое вторжение кочевников должно было затронуть судьбы всего населения. Уже было отмечено, что в это время основное население южного Туркменистана концентрировалось на таких крупных столичных памятниках как Алтын депе, Улуг депе и Намазга депе, на которых проживало около 75% местного населения и лишь незначительная часть — на мелких поселениях. Иначе говоря, еще задолго до предполагаемого кризиса население южного Туркменистана стало постепенно концентрироваться в крупных поселениях, что, видимо, действительно связано было с изменением в палеоэкономике. Если учесть, что основным занятием населения было земледелие и скотоводство, то, очевидно, ответ следует искать именно в палеоклиматических изменениях. Археологи давно обратили внимание на то, что если до предполагаемого кризиса земледелие местных племен базировалось на мелких речушках, стекавших с гор в примыкающие предгорные долины, то после него идет интенсивное освоение долинных аллювиальных равнин, орошаемых такими большими реками как среднее течение Амударии и бассейна реки Мургаб. Иначе говоря, вполне очевидный упадок, регресс местного общества подгорной полосы Копет Дага обрачивается дальнейшим прогрессом и общим подъемом культуры в МаргIANе. Как же совместить это кажущееся несоответствие?

Прогрессивное углубление русел рек и невозможность освоения новых земель без строительства сложных ирригационных сооружений вместе со все большим истощением старых пашен приводило к необходимости концентрации населения на крупных столичных памятниках.

Вообще же эта проблема имеет не узколокальный, а напротив, глобальный характер — как теперь выясняется, рубеж III-II тыс. до н.э. характеризуется упадком или резким сокращением жизни на многих традиционно земледельческих поселениях Ирана, Афганистана, Средней Азии и отчасти Белуджистана. Именно в это время практически одновременно отмечался упадок таких крупных поселений как Гиссар, Шахри Сохте и Тепе Яхъя в восточном Иране, Мундигак — в Афганистане, Намазга, Алтын депе и Улуг депе — в Туркменистане, городов хараппской цивилизации — в долине реки Инд. Думается, правы те исследователи, которые усматривают причины этого в наступлении ксеротермического, или, иначе, засушливого периода. Новейшие палеогеографические данные на территории Туркменистана показывают, что плювиальный период осадконакоплений на рубеже III-II тыс. до н.э. сменился засушливым, пустынно-такырным. Более того, по данным климатологов, эти явные признаки наступления резкой засушки имели не узколокальные, а напротив, глобальные масштабы. Они захватили большую часть Древнего Востока. Возможно, были и иные причины, но в целом именно наступление глобальной, очень жесткой и долговременной засухи, видимо, и послужило причиной резкого сокращения водного дебита и орошаемого земледелия. Многие традиционно земледельческие центры забрасываются, вынуждая их обитателей искать новые земли для ведения земледельческого хозяйства.

Коллективный труд большой массы людей мог на какое-то время помочь избежать окончательной гибели оседлоzemледельческой жизни, для чего, возможно, возводятся примитивные ирригационные сооружения для забора воды на поля. И это в то время, когда рядом, в нескольких десятках километров, в бассейне реки Мургаб лежали никем не занятые целинные земли, плодородная почва которых ждала трудолюбивого земледельца. Очевидно, что наряду с усложнением ведения древнеземледельческого хозяйства в Южном Туркменистане начался процесс постепенного освоения дельты

реки Мургаб, где, как отмечалось, в изобилии имелись пустые, никем не занятые плодородные земли. Открытие настоящего Эльдорадо в бассейне дельтового веера реки Мургаб могло явиться причиной оттока сюда части населения из подгорной полосы Копет Дага. Иммигранты, всегда ощущавшие нехватку воды горных, подверженных сезонным колебаниям речушек, попали в настоящий Эдем, рай для земледельцев.

Свободные, никем не занятые целинные земли, щедро орошаемые водами реки Мургаб, манили невольных иммигрантов своими, казалось бы, поистине неисчерпаемыми возможностями — сюда-то и могло переместиться население небольших сельских деревушек южного Туркменистана. Кстати отметить, что первые, неудачные, попытки освоения реки Мургаб были предприняты местными южнотуркменскими племенами еще на рубеже IV-III тыс. до н.э., но технические возможности использования вод такой большой реки оказались недостаточными, и уже вскоре колонисты ушли отсюда, так и не обуздав ее. Казалось бы, есть все основания предполагать заселение Маргианы исключительно выходцами из южного Туркменистана, если бы не вполне очевидные иранские связи и аналогии, которые были отмечены выше и указывающие на более сложные исторические события, связанные с колонизацией Маргианы и Бактрии.

Как теперь становится очевидным, основной археологический комплекс Маргианы находит соответствие не в материалах рядом расположенного южного Туркменистана, а в культуре Бактрии. В опосредованной форме эти связи уходят еще далее на запад, что с необходимостью заставляет нас обратиться к соответствующим древностям соседнего Ирана. Для начала остановимся на памятниках иранского Хоросана, расположенных у юго-восточной оконечности Каспийского моря.

Пожалуй, самым интересным памятником для нашей темы является иранское поселение тепе Гиссар — древнее, расположенное неподалеку от современного города Дамган в чудесной долине, окаймленной по краям невысокими предгорьями Эльбурса. Стекавшие горные ручьи создавали оптимальные условия для занятия древним земледелием, а выгодное местоположение давало возможность контролировать проходящие мимо старинные торговые пути.

Крупномасштабные раскопки, проведенные здесь, позволили обнаружить большое количество древних могил, а их сохранившиеся до нас погребальные приношения выявили чрезвычайно развитую и оригинальную культуру. Как оказалось, первые поселенцы тепе Гиссар использовали в быту лепную от руки расписную керамику, среди орнаментов которой помимо чисто геометрических узоров, встречаются рисунки пятнистых барсов и горных козлов. В следующий по времени период, соответствующий III тыс. до н.э., наряду с такой расписной посудой внезапно и в достаточно широком масштабе появляется серая и чернополированная посуда в виде ваз на высоких стройных ножках, кубков и некоторых других форм.

Американские археологи, раскапывавшие Гиссар, склонны были рассматривать этот конкретный керамический комплекс как свидетельство прихода какого-то нового народа с территории современного Туркменистана. И в самом деле, традиционная местная расписная посуда все реже помещается в могилах Гиссара — ее медленно, но верно заменяет чернополированная, что может указывать на ассимиляцию, смешение пришлого и местного населения. Почти полвека прошло с момента первых раскопок Гиссара, и лишь в самые последние годы советские археологи выявили на крайнем юго-западе Туркмении в долине реки Сумбар аналогичную, но еще более древнюю посуду, возможно, действительно попавшую на тепе Гиссар вместе с приходом нового населения. Казалось бы, преувеличенное внимание, которое уделено здесь смене одного керамического стиля другим, носит узкопрофессиональный характер, однако ряд ученых связывают людей, использовавших чернополированную посуду, с тем загадочным народом — ариями, которые вот уже двести лет будоражат лучшие умы специалистов разных дисциплин. Но прежде чем перейти к их выводам, закончим наш обзор раскопок Гиссара.

Как оказалось, в заключительный период существования жизни на тепе Гиссар чернополированная посуда становится массовой и полностью замещает белую расписную. Казалось бы, налицо логическое продолжение предшествующего культурного развития, однако именно в этот заключительный период здесь распространяются изделия, неизвестные ранее древним жителям Гиссара, но зато неожиданно

находящие самые прямые соответствия в уже упомянутых материалах Маргианы и особенно Бактрии.

В дальнейшем для удобства изложения назовем все эти находки как принадлежащие бактрийско-маргианскому археологическому комплексу. Перечислим лишь наиболее важные и характерные признаки, такие как появившиеся впервые в Гиссаре миниатюрные колонки, зооморфные косметические флаконы, медные печати перегородчатого типа, серебряные сосуды, булавки с фигурными навершиями, цилиндрические печати месопотамского типа, книжалы и наконечники копий и др. Иначе говоря, стало очевидным, что на заключительном этапе в Гиссаре жили люди, использовавшие в быту практически те же изделия, что и их современники в Бактрии и Маргиане. Но в таком случае весь этот комплекс изделий отражает приход нового населения со стороны. Но откуда?

В 1968 г. экспедиция из Института Географии Тегеранского Университета отправилась в пустыню Лют, или, иначе, "Великую песчаную пустыню" Ирана, где совершенно случайно недалеко от города Шахдад, в предгорной части, окаймляющей город с востока, обнаружила на поверхности всхолмлений какие-то черепки. Руководитель географической экспедиции не поленился их собрать и по возвращении в Тегеран передал в археологический центр. Найдены по достоинству были оценены археологами, и на следующий год сюда была снаряжена иранская археологическая экспедиция. Результаты оказались настолько обнадеживающими, что ежегодно в течение нескольких последующих лет здесь стали проводиться археологические раскопки. Удалось с документальной точностью установить, что в долине Шахдад в древности располагались поселения земледельцев, которые, подобно бактрийским и маргианским, слабо выражены в рельефе, - тогда как классические холмы Ирана или Туркменистана устремлены вверх.

Изобилие воды и горные селевые потоки в последующие века стали причиной плохой сохранности дошедших до нас древностей. Частые половодья и наводнения в сильной степени разрушили не только бытые погребения, но и особенности скелеты в древних захоронениях, где почти не сохранились кости, но зато до нас дошли в непотревоженном виде богатые погребальные приношения. Это и медные ажу-

ные печати перегородчатого типа, булавы, топоры с обухом в виде петушиного хвоста, косметические флаконы, конической формы вазы, соусники и многое другое, что находит прямые аналогии среди уже упомянутых изделий Бактрии и Маргианы.

Стеатитовые флаконы и коробочки, в том числе украшенные извивающимися змеями, вазочки, выточенные из светлого мраморовидного камня — дополняют список взаимно сопоставимых изделий. В высшей степени показательны цилиндрические печати Шахдада, на которых, подобно бактрийским, сохранились изображения стоящих богинь местного пантеона со сложенными на животе руками, в окружении животных. Как было показано выше, близкие изображения имеются в бактрийской сферагистике, причем настолько близкие, что полностью исключают элемент случайного совпадения. Словом, материальная культура людей, живших в Шахдаде, чрезвычайно напоминает культуру племен Бактрии и Маргианы. Но в еще большей степени она перекликается с вышеотмеченными находками последнего, заключительного периода жизни на тепе Гиссар, хотя между этими конкретными памятниками лежат сотни километров, казалось бы, непроходимых горных кряжей и в особенности безжизненная "соляная пустыня". Но так кажется, когда смотришь на географическую карту, а на самом деле между цепями гор и барханами песков всегда проходили многокилометровые караванные пути. По ним-то и шли тяжело груженые караваны купцов, а то и сотни повозок, утопающих в клубах пыли, с домашним скарбом, отмечая передвижения племен, отправившихся на поиски новой родины в надежде найти никем не занятые плодородные земли.

Как бы то ни было, но уже замечено, что многие погребальные приношения Шахдада помимо уже отмеченных северных связей обнаруживают впечатляющие соответствия в материалах юго-западного Ирана (древняя область Элам). Причем, и это особенно важно, в Эламе подобные изделия относятся к более древнему, предшествующему, времени, так что материалы Шахдада демонстрируют культурные влияния, идущие из юго-западного Ирана в восточный Иран и далее - через Гиссар — в Бактрию и Маргиану.

Еще в начале века знаменитый английский археолог А.Стейн предпринял легендарный поход в неисследованные

глухие районы южного Ирана, расположенные вдоль Персидского и Оманского заливов. Были пройдены многие сотни километров, зачастую далеко в стороне от современных зеленых оазисов, в безжизненных пустынных районах, где могли находиться древние памятники. И действительно экспедицией были открыты десятки и сотни дотоле неизвестных памятников, были собраны разнообразные материалы, составившие целые коллекции.

Исследуя одно древнее поселение за другим, английские археологи, пройдя все побережье, наконец вступили в район Иранского Сеистана, где в долине реки Бампур они решили провести пробные раскопки на одном древнем поселении под названием Хураб. Археологов сразу же насторожило наличие среди явно местной массовой погребальной посуды неизвестных сосудов, встреченных близко к дневной поверхности и, следовательно, относящихся к последнему, заключительному этапу жизни на этом конкретном поселении. Но "необычная" в то время посуда теперь может быть квалифицирована как типичная керамика Шахада и Гиссара, Бактрии и Маргианы.

Еще более показательные материалы были обнаружены экспедицией, когда она, покинув пределы Ирана, вступила в Центральный Белуджистан, расположенный на территории современного Пакистана. Здесь также на ряде поселений среди полуразвеянных временем древних могил, особенно на поселении Мехи, были встречены не только десятки аналогичных Хурабу сосудов, но и металлические зеркала, браслеты и булавки, типичные для бактрийско-маргианского археологического комплекса. Бессспорно, особого интереса заслуживает находка, сделанная в раскопе на поселении Мехи: обломок сосуда, венчик которого сохранил налепную скульптурную фигурку животного, точно соответствующую аналогичным фигуркам культовых сосудов Бактрии и Маргианы, пока более нигде неизвестным. Эта редкая находка не только свидетельствует о близких, если не аналогичных, культовых обрядах, но с бесспорностью указывает на сходные религиозные воззрения, существовавшие в одно и то же время у племен, обитавших в Белуджистане с одной стороны и Бактрии и Маргиане — с другой. Наконец, каменные так называемые миниатюрные колонки и ажурные перегородчатые печати поселения Мехи не только дополняют отмеченные

взаимные соответствия, но и открывают новую загадочную страницу в древней истории этой части юго-западной Азии.

Прошло сорок лет после этих, тогда не оцененных по достоинству открытий, а новый интерес к ним проявился лишь в самые последние годы — с началом работ французских археологов все в том же Белуджистане, в пункте, называемом Мергар. Многолетние раскопки Мергара привели к открытию древнего кладбища, среди погребальных приношений которого в руки археологов попали бронзовые сосуды, булавки с фигурными навершиями, амулет с изображением змеи, разнообразные украшения, керамика, среди последней выделяются вазы и кубки на высоких ножках — короче, находки, типичные для бактрийско-маргианского археологического комплекса. Для нашей темы особенно показательно обнаружение фаянсовой коробочки, изготовленной в виде почки — формы, широко распространенной еще только в бактрийско-маргианском регионе.

Дальнейшие исследования в этом районе привели к открытию неподалеку от Мергара другого древнего могильника Сири, в погребениях которого также были встречены сосуды в виде ваз и бокалов на ножках бактрийско-мургабского типа. На поверхности самого поселения найдены были каменные миниатюрные колонки и каменные же сосуды разнообразных форм. Обращают на себя внимание медные ажурные перегородчатые печати, но в особенности цилиндрические печати, одна из которых сохранила гравированное изображение зебувидных быков, противоборствующих с львами, — композиция, удивительно близко перекликающаяся с изображением на одном маргианском цилиндре.

Наконец, совсем недавно в столичном городе Кветта, в Белуджистане, при строительстве нового здания рабочие на трехметровой глубине обнаружили кенотаф с богатейшими погребальными приношениями, включая золотые изделия. Однако для нашей темы принципиально важное значение приобретают простые керамические сосуды, каменные миниатюрные колонки, каменные составные статуэтки и многие другие изделия, находящие прямые аналогии в восточном Иране и особенно в Бактрии и Маргиане.

Трудно переоценить результаты находок, сделанных французскими археологами в Белуджистане, открывающие совершенно новую страницу и вместе с тем ставящие новую

проблему в древней истории индийского субконтинента. Здесь, на подступах к долине Инда, наряду с блестящей местной древнеиндийской хараппской цивилизацией существовали племена, культура которых не находит местных истоков происхождения, но зато обнаруживает впечатляющие соответствия в культуре населения Бактрии и Маргианы. Одновременно следует отметить определенную близость и с древней культурой людей, живших в это же время в Шахдаде и Гиссаре, так что все вместе они очерчивают огромный ареал, протянувшийся от долины Инда до бассейна Амудары и от Индийского океана до южной оконечности Каспийского моря, где хотя и спорадически, но совершенно четко прослеживаются следы существования племен с родственной культурой. Вместе с тем показательно, что везде на этой обширной территории эта культура выступает как пришлая, либо знаменуя собой завершающую фазу в развитии местных древних культур — как мы это видим в Иранском Хорасане и юго-восточном Иране, либо как культура земледельцев, осваивающая незанятые до нее территории — как например в Бактрии и отчасти в Маргиане. Можно было бы допустить прямую связь между Бактрией и Маргианой с одной стороны и Белуджистаном — с другой, что однако требует специальных, пока еще недостающих доказательств. Вместе с тем вышеотмеченные многочисленные соответствия бактрийско-маргианскому археологическому комплексу в Шахдаде не могут быть игнорированы: за ними кроются вполне определенные исторические события. Иначе говоря, можно допустить существование в Восточном Иране очага культуры, но не исконно местной, а пришлой, истоки которой следует искать в юго-западном Иране от Элама до Луристана.

Если еще сравнительно недавно такому допущению не хватало доказательств, то теперь они появились в результате раскопок американцами поселения тепе Яхья, расположенного в южном Иране. Занимая промежуточное положение между индийским субконтинентом и древним Эламом, этот памятник обнаруживает чрезвычайно широкие международные связи. Как считают, тепе Яхья возникло еще в V тыс. до н.э., причем на протяжении многих веков материалы этого памятника демонстрируют последовательную линию развития местной культуры. Археологами выделено было здесь

несколько хронологических периодов, показывающих, как предполагалось сначала, эволюционную, постепенную линию развития глубоко местной культуры.

Такое положение существовало долгое время, пока советские археологи не выявили наличие особого бактрийско-маргианского археологического комплекса. Полученные данные заставили американских археологов частично пересмотреть старые взгляды в свете новых материалов. В результате проделанной работы установлено, что местное развитие культуры продолжается до самого последнего периода существования жизни на тепе Яхья, когда появляются новые типы керамики, ранее здесь неизвестные, зато весьма популярные в Бактрии и Маргиане. К этому наблюдению можно добавить еще и другие: как например сходные орнаменты на стеатитовых сосудах, печати, металлические булавки и, наконец, цилиндрические печати, на которых изображены крылатые божества, точно такие же, как в Шахдаде и в Бактрии.

Этот сам по себе в высшей степени показательный материал составляет небольшую и обособленную группу последнего, заключительного периода рассматриваемого поселения. Одним словом, тепе Яхья, расположенное у Персидского залива, демонстрирует влияния, идущие в Среднюю Азию, Белуджистан и юго-западный Иран (рис. 57).

Все это с необходимостью приводит нас к выводу о широких племенных передвижениях, начало которых относится еще к концу III тыс. до н.э., когда, возможно, большие племенные группы двинулись в северо-восточном направлении вплоть до Бактрии, а затем и Маргианы, к тому времени уже частично заселенной выходцами из южного Туркменистана. Вторая волна фиксируется промежуточными памятниками типа тепе Яхья, а затем Сеистана вплоть до Белуджистана. Хотя сейчас нам известны всего несколько таких памятников, нет никаких сомнений, что будущие исследования южной зоны обнаружат десятки поселений этой все еще загадочной культуры.

Налицо широкое, видимо, неоднократное племенное переселение, которое, подобно цепной реакции, от юго-западного Ирана достигает в конечном счете на северо-востоке плодородных оазисов Бактрии и Маргианы, а на юге — индийского субконтинента. Уже само по себе предполагаемое переселение представляет большой научный интерес, кото-

рый приобретает исключительно важное значение в свете так называемой арийской проблемы. Дело в том, что вот уже полтора столетия как ученые разных специальностей бьются над решением этой сложной и загадочной проблемы. Лингвисты первые обратили внимание на наличие сходных слов у многих народов, обитавших в глубокой древности от Европы до Индии, отсюда они и дали им условное название народов, говорящих на индоевропейских языках. Сравнительное языкознание позволило лингвистам прийти к единому мнению насчет близкого родства индоевропейских языков. Внутри этого огромного языкового ареала где-то в III тыс. до н.э. выделяется группа так называемых индоиранцев, называвших себя ариями. Первоначально это слово обозначало "люди, принадлежащие к определенному роду", но много позднее под ним стали подразумевать "благородный", "знатный". Здесь же попутно отметим, что использование термина арийцы для обозначения высшей германской расы ничего не имеет общего с псевдоиндоевропейским его содержанием, и на этом поставим точку.

Мы пока еще не знаем с достоверностью, откуда индоиранцы пришли на восточноиранское плато, но достоверно известно, что сюда они проникают во II тыс. до н.э., о чем имеются уже письменные свидетельства в священной книге иранцев "Авесте" и индийцев — "Ригведе". Оставив в стороне вопрос, откуда же конкретно приходят индоиранские племена, называвшие себя ариями, на восточноиранское плато, попробуем соотнести данные лингвистики с данными археологии.

Так, часть ученых считает, что люди, использовавшие в своем быту чернополированную посуду типа той, что была распространена в Гиссаре, именно и являлись ариями, которые из своей колыбели, расположенной в иранском Хорасане, затем распространились по всему восточноиранскому плато. А поскольку этот керамический комплекс засвидетельствован чуть ли не в IV тыс. до н.э., то делается вывод об исконном существовании здесь ариев. Однако противники этой теории не преминули отметить, что в таком случае отсутствие чернополированной посуды в массовом количестве на большей части Средней Азии исключало бы ее из зоны обитания арийских племен, что противоречит данным "Авесты".

В этой ситуации нам следует остановиться подробнее на неоднократно отмеченном выше расселении племен во II тыс. до н.э., которое четко фиксируется бактрийско-маргiana ским археологическим комплексом на восточноиранском плато и соответствующими Белуджистанскими материалами типа Мергар и Сиби. Но прежде посмотрим, кто же были арии и как они описываются в "Авесте". По мнению лингвистов, они выступают как скотоводы-земледельцы, у которых на первом месте стояло скотоводство, а земледелие играло подсобную роль. Исходя из той же "Авесты", лингвисты считают, что арийские племена не знали монументальной архитектуры, а тем более храмового строительства типа Даши в Бактрии и Тоголок-21 в МаргIANе. Иначе говоря, согласно этому мнению культура племен Бактрии и МаргIANы не отвечает всем этим требованиям, и, соответственно, люди бактрийско-маргiana комплекса не могут быть ариями. Противоречит такому сопоставлению, по мнению лингвистов, и керамика бактрийско-маргiana комплекса, преимущественно сделанная на гончарном кругу, что было несвойственно индоиранским племенам. Такому условию отвечает керамика скотоводческих племен северных степных областей Средней Азии, которые постепенно проникают в южные, традиционно земледельческие оазисы.

Вместе с тем уже было обращено внимание, что в южных областях Средней Азии существовала еще одна археологическая культура, отличительным палеоэтнографическим признаком которой является использование в быту лепной расписной керамики, именно по этому признаку она может быть соотнесена с ариями. В самом деле, в последних веках II тыс. до н.э. на восточноиранском плато появляются племена, наиболее показательным признаком которых является использование в быту лепной нарядной расписной посуды. И это в то время, как местное население на этой территории уже давно перешло к передовой и прогрессивной технологии, используя для изготовления посуды гончарный круг. В Бактрии наиболее известным памятником этой культуры является поселение Тилля тепе с храмом, вознесенным на высокой платформе, о котором говорилось выше. Хотя с самого начала жители Тилля тепе уже были знакомы с гончарной посудой, на первых порах они еще консервативно придерживаются старых керамических традиций — изготавливая преимуще-

ственno лепную, в том числе расписную посуду. Со временем, на более поздних этапах этой же культуры, постепенно гончарная посуда приобретает все большую популярность, она становится наиболее массовой и распространенной, заменяя в конечном счете бытую лепную и расписную.

В Маргиане наиболее известным памятником этой же культуры является Яз депе — огромное столичное поселение с цитаделью и высокой кирпичной платформой, наверху которой сохранились остатки бесспорно монументального здания, возможно, дворца. Материалы того же типа имеются на многих памятниках не только Маргианы, но и южного Туркменистана, свидетельствуя о широком расселении этого народа. Так же как и в Тилля тепе, жители Яз депе сначала наряду с немногочисленной гончарной посудой более широко использовали в быту лепную расписную с орнаментом, точно копирующим тиллятепинский. На поздних стадиях гончарная посуда также полностью замещает лепную расписную. Налицо смешение двух керамических традиций — местной бактрийско-маргианской гончарной керамики и пришлой лепной, в том числе расписной, — в результате которого первая полностью замещает вторую.

Если исследования Тилля тепе и Яз депе были осуществлены советскими археологами, то раскопки поселения Пирак в Белуджистане, неподалеку от уже упоминавшегося Мергара, полностью принадлежат французским археологам. Крупномасштабные раскопки здесь установили, что древнейшее население, основавшее поселение Пирак, практически не знало гончарной посуды и использовало в быту исключительно лепную расписную. Однако попав в новую среду, где окружающее их местное население уже давно перешло к изготовлению гончарной посуды, пришельцы по достоинству оценили преимущества последней, так что, подобно обитателям Тилля тепе и Яз депе, пиракцы в конечном счете также постепенно переходят к изготовлению гончарной керамики.

Если сравнить между собой основные орнаментальные мотивы лепной расписной посуды Бактрии и Маргианы с Пираком, то при бесспорных местных локальных различиях ряд керамических узоров находит достаточно убедительную взаимную перекличку. Очевидно, есть основания предполагать их общее происхождение — следование традициям расписных культур Ирана, что, однако, потребует новых дока-

зательств. Показательно, что уже сейчас на предполагаемом южном пути их расселения имеются памятники, культура которых во многом сходна с Пираком. Это поселения Нади Али и Мундигак в южном Афганистане, население которых также использовало в быту лепную расписную посуду того же типа, что и пиракцы.

Но для нашей темы особенно показательно, что предполагаемое сходство не ограничивается лишь близкими керамическими стилями, а дополняется иными соответствиями. В этом плане исключительного интереса заслуживают уникальные металлические полые трубочки с серией мелких сквозных насечек, известные пока лишь только в Тилля тепе и Пираке и более нигде в системе Передней Азии, что весьма знаменательно. Показательны также массивные подтреугольной формы кирпичи, встреченные только в очагах, где они, видимо, служили подставками. Словом, налицо вполне очевидные черты сходства, наряду с чем, однако, имеются и отличия, обусловленные культурным влиянием традиций местного населения. Так, в Тилля тепе и Яз депе нет антропоморфной пластики, что является отличительным признаком этой культуры, так же как Бактрии и отчасти Маргианы и их религиозных ритуалов. Иначе говоря, люди не знали антропоморфной пластики, их культовая обрядность не требовала антропоморфных изображений богов. Попав в Бактрию, они устойчиво придерживались своих старых культовых традиций. Напротив, в Пираке известны терракотовые фигурки людей и животных того типа, что были издревле распространены здесь у местного древнеземледельческого населения. Думается, что попав в Белуджистан, пришлые люди расписной керамики со временем перенимают местные ритуалы и постепенно начинают использовать в культовой обрядности антропоморфные изображения божков, как это демонстрирует население Пирака. Да это и понятно, если учесть, что пришлые племена, подобно островку в море, были окружены инокультурным местным населением с тысячелетними традициями, постоянные контакты с которым приводят их к постепенной ассимиляции и смешению.

Итак, можно считать вполне вероятным, что при второстепенных, локальных различиях культуры племен расписной керамики восточноиранского плато (Тилля тепе, Яз депе) и индийского субконтинента (Пирак) в целом имеют

общее происхождение. Для нашей темы особенно важно, что и те, и другие племена на своей былой родине не знали техники производства керамики на гончарном кругу и изготавливали свою посуду вручную. Лишь вступив в контакты с местным населением, уже давно освоившим гончарный круг, пришельцы постепенно также переходят к этой более прогрессивной форме керамического производства. Показательно и то, что ни на одном из этих поселений, несмотря на специальные поиски, археологам не удалось обнаружить гончарные печи, которые в изобилии имелись у местного населения.

Если теперь обратиться к данным лингвистов, то как в "Авесте", так и в "Ригведе" — нигде не говорится о гончарной посуде. Иначе говоря, индоиранцы не знали гончарного круга и использовали в быту исключительно лепную керамику. Очевидно, что такое положение как нельзя лучше соответствует ранним керамическим комплексам Тилля тепе и Яз депе, к чему теперь мы можем добавить и Пирак. Показательно также и то, что арии не знали специальных гончарных горнов, свою посуду они обжигали в простых ямах очень примитивным способом, в результате чего горшки приобрели красный цвет, кстати сказать, наиболее характерный для посуды людей расписной керамики восточноиранского плато.

Все сказанное как нельзя лучше отвечает керамическим традициям людей расписной посуды, но в той же степени они соответствуют керамике скотоводческих племен обширных евразийских степей, так что ряд специалистов именно в них, и в первую очередь в андроновских племенах, видят пришлых индоиранцев. Однако в одном пункте доказательства отождествления ариев со степными племенами уступают предположению, что это могли быть люди расписной посуды. Уже было замечено, что скотоводческие степные племена, расселяясь все далее в южном направлении, приходят в контакты с местными традиционно оседлыми древнеземледельческими племенами. Такие данные имеются не только в Маргиане, но и в Бактрии и даже на левобережье Амударьи, свидетельствуя о проникновении степных племен в земледельческие оазисы.

Сторонники теории о принадлежности скотоводов Евразии к ариям видят в этом факте свой главный аргумент — ведь известно, что индоарии впервые познакомились с гон-

чарным кругом, только когда пришли в контакт с оседлыми племенами, уже давно знавшими гончарный круг. Однако эпизодические проникновения степняков в оседлоземледельческие оазисы не идут ни в какое сравнение с широким и крупномасштабным расселением людей расписной посуды. В Бактрии и Маргиане свидетельством контактов оседлых земледельческих и пришлых скотоводческих степных племен являются несколько десятков черепков и целых сосудов, в то время как люди расписной культуры оставили после себя много обширных поселений, разбросанных по широкой полосе южных областей Средней Азии.

Правда в контактной зоне земледельческих оазисов и степей в Бактрии и Маргиане известны небольшие развеянные стоянки скотоводов, что однако не идет ни в какое сравнение с многолюдными поселениями племен расписной керамики. А кроме того, на индийском субконтиненте пока вообще не зафиксировано ни одного черепка посуды степных племен Евразии, зато уже Пирак демонстрирует многолюдное поселение, основанное выходцами извне. Одним словом, представляется более предпочтительным видеть индоиранцев не в степных племенах так называемой андроновской культуры, а в древних племенах людей расписной керамики, бесспорные следы пребывания которых на восточноиранском плато и индийском субконтиненте документируются достаточно показательно.

Будущие открытия внесут корректизы в эту проблему, но новейшие археологические данные, приведенные выше, с бесспорностью свидетельствуют, что во II тыс. до н.э. в Средней Азии наблюдаются две четко выраженные, но разновременные волны пришлого и разного по своему происхождению народа. Сначала сюда проникают племена бактрийско-маргианского археологического комплекса. Попав в пределы южного Туркменистана, они частично заселили старые традиционно оседлые поселения, но затем вскоре большая их часть перебирается в Маргиану, где к тому времени выходцами местных южнотуркменистанских племен уже были заложены основы древнеземледельческого хозяйства.

Судя по всему, заселение и интенсивное обживание дельты Мургаба пришлым и местным населением в основном протекало вполне мирно. Бескрайние просторы богато орошаемых земель не шли ни в какое сравнение с той нехваткой

земли, которую ощущали иммигранты на своей былой родине. Свободные земли бассейна Мургаба исключали серьезные конфликты пришельцев и местных аборигенов, незадолго до того переселившихся сюда из южного Туркменистана. Свидетельством тому служат в массе своей неукрепленные поселения Маргианы, исключающие какие-либо серьезные военные конфликты. Более того, есть все основания предполагать, что постепенно происходит смешение, ассимиляция пришлого и местного населения, обмен взаимными культурными достижениями, что послужило залогом к будущему процветанию страны Маргуш. Да это и не удивительно, если учесть, что и те, и другие были древними земледельцами со сходным укладом жизни, что бесспорно способствовало взаимным контактам и в конечном счете созданию общей культуры.

Итак, вторая волна фиксируется приходом в последних столетиях II тыс. до н.э. на восточно-иранское плато племен расписной керамики. Мы не знаем с точностью, что составляло основу их палеоэкономики, но судя по тому, что они еще не знали гончарного круга, это были еще сравнительно отсталые племена, — возможно, в первую очередь скотоводы, но которые уже, конечно, были знакомы и с земледелием. Отсутствие каких-либо памятников прикладного искусства также характеризует их как людей до определенной степени с ограниченной культурой, и даже керамическое искусство их демонстрирует монотонность и повторение одних и тех же простейших орнаментальных узоров на десятках и сотнях однотипных по формам горшков. К сожалению, пока еще не найдено ни одного древнего захоронения, погребальные принадлежности которого могли бы дать в руки археологов доказательства культурного уровня развития этого еще загадочного общества. Кстати отметить отсутствие древних захоронений в пределах поселений, не говоря уже о могильниках, что в косвенной форме может напоминать заупокойные обряды зороастрийцев. Согласно этим ритуалам, землю нельзя было осквернять, поместив в нее труп, что предполагает сложные погребальные обряды, возможно, кремацию.

Казалось бы, все, что мы знаем о людях расписной керамики, характеризует их как людей, еще не достигших высокой цивилизации и безнадежно отставших от своих более передовых соседей, если бы не одно, но в высшей степени

знаменательное обстоятельство — сооружение монументальных комплексов светского и культового назначения. Вспомним храм на Тилля тепе или дворец Яз депе, чтобы убедиться в этом и воздержаться от слишком поспешных и категоричных заключений. Вообще же эти два монументальных здания, предполагающие коллективный, возможно, отчасти принудительный труд большой и организованной массы людей, выглядят довольно контрастно сравнительно с общим обликом культуры создавших их людей. В таком случае можно допустить, что монументальная архитектура типа Яз депе и Тилля тепе была заимствована ими у более передовых соседей на их былой прародине. Но предположения так и остаются предположениями, пока они не находят фактического подтверждения. В этом плане определенную близость обнаруживает монументальное здание одного древнеиранского памятника Баба-Джан, общая планировка которого — с угловыми башнями и колонным залом — достаточно близко напоминает храм Тилля тепе. Знаменательно, и, возможно, не случайно, что Баба-Джан расположен неподалеку от Элама, красочные орнаменты керамики которого находят достаточно показательные прототипы в расписной посуде обитателей Тилля тепе. А кроме того, некоторые архитектурные особенности дворца Яз депе перекликаются с дворцовыми зданиями храма на Гонур-1.

Можно было бы привести другие, как прямые, так и косвенные доказательства, но достаточно и приведенных, чтобы сделать по крайней мере один принципиально важный вывод. Во II тыс. до н.э. на восточноиранском плато и идейском субконтиненте четко фиксируются две волны перемещений родственных между собой племен. Если сопоставить письменные данные об индоиранцах, то хотя и с большими оговорками, но более всего этим условиям отвечает культура людей расписной керамики, время появления которых относится к последним векам II тыс. до н.э. На восточноиранском плато, живя бок о бок с местными племенами и постепенно смешиваясь с ними, люди расписной керамики со временем теряют многие свои палеоэтнографические признаки, так что к VII-VI вв. до н.э., по крайней мере, в Бактрии и Маргиане формируется однородная культура, впитавшая в себя оба составляющих ее культурных компонента.

Думается, что к моменту, когда где-то здесь начинала складываться зороастриская религия, она не могла не впитать этико-религиозные представления, сложившиеся на основе предполагаемых двух культурных традиций. Может быть поэтому в "Авесте" и "Ригведе" отмечается смешение с одной стороны очень архаических, с другой — передовых представлений, что, возможно, является отражением разных культурных и устных литературных традиций. И недаром еще сравнительно недавно лингвисты безоговорочно называли ариевnomадами, в то время как теперь предлагают видеть в них скотоводов и земледельцев.

Хотя арии широко использовали в работе лошадей и крупный рогатый скот, от этого они еще не становятся кочевниками. Арии были скотоводами-земледельцами; возможно, на заре своей истории они вели полуоседлый образ жизни, но в конечном счете они становятся оседлыми земледельцами. Кстати, высокая роль скотоводства отмечается и у племен бактрийско-маргианского археологического комплекса, документальным свидетельством чего является уже упоминавшееся ритуальное захоронение баранов, которым, подобно людям, воздавались также высокие заупокойные почести. Если учесть, что большинство специалистов считает, что местное традиционно-земледельческое население южных областей Средней Азии IV-III тыс. до н.э. никак не могло являться индоиранским, то приходится признать, что это могут быть племена, создавшие две конкретные археологические культуры: бактрийско-маргианский комплекс и комплекс расписной культуры раннегорелевного века. Смешение этих двух культур, а в конечном счете — двух различных по палеоэтнографическим признакам народов, возможно, и привело к сложению нового племенного конгломерата, получившего позднее название арийского. Уже этот документально установленный факт представляет собой крупнейшее достижение, заставляющее пересмотреть старые теории в свете новых археологических доказательств. И дело будущих исследователей конкретизировать этот новый аспект все еще старой арийской проблемы.

Здесь будет уместно специально остановиться на археологических находках и лингвистических теориях, доказывающих, что именно Сеистан, древняя Дрангиана и отчасти Арахозия являлись центром зороастризма. В самом деле, лин-

гвисты имеют полное право на такие предположения, так как гидронимы, то есть названия древних рек, фигурирующие в "Авесте", находят свои соответствия в позднейших гидронимах этого же исторического района.

Уже крупнейший иранист конца XIX — начала XX вв. приходит к такому выводу, к этой же гипотезе склоняется к концу своей жизни другой ученый — В.Б. Хеннинг. Находит она свою поддержку и у современных, в том числе советских специалистов, таких как И.М.Дьяконов и В.А.Лившиц. Более того, специальные филологические исследования языка "Младшей Авесты", то есть наиболее поздней части "Авесты", приводят некоторых лингвистов к выводу, что "Младшая Авеста" была написана или, по крайней мере, отредактирована племенем, обитавшим в бассейне реки Гильменд. Далее по мысли сторонников этой теории, поскольку можно найти многие следы преемственности с Гатами, то и последние имеют местное происхождение. Эта, казалось бы, стройная лингвистическая теория, однако, разбивается о вполне закономерный вопрос, высказанный недавно немецким ученым Х.Хумбахом — почему же тогда "Авеста", написанная в Арахозии, была воспринята персами? А кроме того, по данным И.М.Дьяконова, диалект Гат, то есть древнейшей части "Авесты", хотя и близок, но не идентичен языку "Младшей Авесты".

Можно было бы и дальше перечислять различные остроумные догадки и предположения лингвистов, но достаточно и приведенных, чтобы прийти к главному выводу: при всей спорности проблемы не случайно большинство иранистов останавливают свой выбор на Дрангиане и Арахозии. В том единодушии, с каким они отстаивают предпочтительное значение этих двух областей перед другими районами — областей, расположенных на крайнем юге Афганистана, имеется и свое рациональное зерно. Но какое? Попробуем подойти к проблеме с позиций современной археологии.

Плодородная дельта реки Гильменд вместе с боковыми протоками русла реки Руди Биябан издревле представляла оптимальные условия для древних земледельцев. Уже в начале XX в. здесь были проведены археологические разведки, выявившие древние поселения, культура которых была близка югоиранской. После второй мировой войны американская экспедиция под руководством В.Файрсервиса установи-

ла, что древности бассейна реки Гильменд находят впечатляющие соответствия как с восточным Ираном, в особенности с керманским оазисом, так и с Бампуром и Макраном, пограничными областями между Ираном и Пакистаном.

В результате этих работ стало очевидным, что область древней Дрангианы занимала выгодное промежуточное положение на скрещении древних караванных путей между историко-культурными центрами этой части Азии. Казалось бы, археологические раскопки могут внести уточнения и конкретизировать на фактическом материале такое допущение. Однако большая часть былых памятников оказалась полностью развеяна процессами естественной дефляции и особенно сильными ветрами, дующими здесь почти непрерывно с мая по сентябрь. Тем не менее, даже сборы материалов с поверхности развеянных памятников показали, что здесь уже в III тыс. до н.э. существовали древнеземледельческие племена, изготавливавшие подобно своим соседям, расписную посуду, чрезвычайно близкую между собой. С другой стороны, даже среди ограниченных находок обращают на себя внимание сосуды типа ваз на высоких ножках, а также некоторых других форм, в том числе с нацарапанным орнаментом, до определенной степени напоминающие керамику Бактрии и Маргианы. Дополнительные доказательства дают и медные булавки с фигурными навершиями в виде птичек, перекликающиеся с аналогичными булавками Бактрии. Особый интерес для нашей темы представляет один полуразрушенный могильник, погребальные сосуды которого, преимущественно нерасписные, близко напоминающие керамику Бактрии и Маргианы, датируют заключительный период жизни древнейшего Сеистана.

Как мы помним, кроме Бактрии и Маргианы явно культовые миниатюрные колонки известны еще в восточном Иране, как например, в тепе Гиссар, где они, кстати, были впервые обнаружены. Но для нашей темы исключительного значения заслуживают находки, сделанные на крайнем юго-западе Афганистана, в Сеистане, исторической Дрангиане, на месте мусульманского святилища под названием Годари Шах. Здесь, на небольшом возвышении находятся могилы местных мусульманских святых, куда благочестивые паломники принесли откуда-то со стороны и свалили в общую кучу много каменных изделий, и в том числе большое количество

миниатюрных колонок, каменных ступок и пестиков, похожих, если не идентичных тем, что были найдены на Тоголок-21 (рис. 58).

Руководитель американской экспедиции Дж.Дейлс, обративший внимание на Годари Шах, вполне справедливо предположил, что все эти изделия были принесены сюда из другого места, скорее всего из древнего кладбища эпохи бронзы. В то время находки с Тоголок-21 были еще неизвестны, теперь же, учитывая, что помимо колонок здесь имеются ступки и пестики, можно допустить, что все они происходят из одного места, возможно, из еще не обнаруженного археологами храма, расположенного неподалеку от Годари Шах. Они, возможно, принадлежат почти полностью развеянному в результате сильных ветров и дождей храму, и оказались обнаженными на дневной поверхности, став добычей мусульманских паломников. Заметим, что самые древние образцы миниатюрных колонок известны с памятника Шахри-Сохте, расположенного рядом в иранском Сеистане, неподалеку от Годари Шах. Учитывая то, что миниатюрные колонки использовали при вполне определенных культовых ритуалах, есть все основания считать, что в предполагаемом храме в Годари Шах они имели аналогичное назначение, что и в Тоголок-21. В таком случае можно допустить существование общих, если не идентичных культовых обрядов и, надо думать, верований во всех районах, где были встречены миниатюрные колонки. А ведь именно Сеистан, древнюю Дрангиану, многие лингвисты связывают с родиной зороастризма, что весьма знаменательно.

Если на афганской части Сеистана были обнаружены лишь сравнительно небольшие, полуразвейные памятники, то в нескольких километрах к западу, но уже на иранской части Сеистана наряду с такими существовали и много более крупные. Наиболее значительным оказался памятник под названием Шахри Сохте, иначе "сожженный город", раскопки которого предприняла итальянская экспедиция. Многолетние раскопки установили, что наряду с гигантским, явно столичным городом Шахри Сохте, площадью около 75 га, к югу от него существовало свыше 20 небольших поселений.

Как оказалось, Шахри Сохте возник на рубеже IV-III тыс. до н.э., причем на протяжении всего III тыс. до н.э. он демонстрирует чрезвычайно яркую, развитую культуру древ-

невосточного типа. В начале II тыс. до н.э. город гибнет, как предполагают археологи, в результате пожара, но показательно, что практически одновременно с этим забрасываются и все мелкие поселения вокруг Шахри Сохте. Пока еще трудно с уверенностью судить о конкретной причине упадка жизни Сеистана, но и нельзя не сопоставить это с аналогичной ситуацией, отмечаемой примерно в это же время в Афганистане и южном Туркменистане.

Было бы заманчиво сопоставить упадок жизни в Сеистане с военным вторжением врагов, однако именно во II тыс. до н.э. отмечается перемещение дельтового веера реки Гильменд на север, что скорее всего и определило режим и динамику жизни Сеистана II тыс. до н.э. Как бы то ни было, но документально засвидетельствован факт прекращения жизни в Сеистане именно в начале II тыс. до н.э., что не может не быть поставлено в связь с южным путем расселения людей бактрийско-маргианского археологического комплекса из восточного Ирана. И, видимо, не случайно среди находок пожарища в зданиях заключительного этапа жизни Шахри Сохте были найдены сосуды, точно такие же, как в Шахдаде, указывая тем самым на их взаимную связь. Создается впечатление, что предполагаемые пришельцы не задержались в Сеистане, и неблагоприятные экологические условия заставили их переместиться далее на восток в Белуджистан, свидетельством чего являются уже упомянутые выше памятники типа Сиби и Мергар. И недаром В.Фаирсервис, основываясь даже на своих скучных материалах, пришел к выводу об однородности материалов Сеистана с Бампур-Мекраном, в том числе могильником Мехи. М.Тоси, присоединяясь к этим выводам, отмечает вместе с тем и северные пути, ведущие из бассейна реки Гильменд к предгорьям Гиндукуша и, добавим от себя, к речной системе Герируд-Теджен.

Сколь бы ни были еще малочисленны и отрывочны наши сведения, они приобретают определенный акцент в свете раскопок, проведенных в довоенные годы французскими археологами на поселении Нади Али в Сеистане, продолженные в недавнее время американской экспедицией под руководством профессора Г.Дейлса. Как оказалось, Нади Али, подобно Тилля тепе в Бактрии и Яз депе в Маргиане, представляют собой руины монументального здания, сооруженного наверху высокой кирпичной платформы. Сходство

не ограничивается близкими, если не сказать идентичными приемами строительного дела и общими архитектурными принципами, но прослеживается и в сходных традициях керамического искусства, в расписной посуде, а также в типах металлических изделий. Налицо вполне ощутимая культурно-историческая близость выработанного типа поселений с цитаделью наверху платформы, явно не случайно расположенных в Дрангиане, Бактрии и Маргиане. Хотя Нади Али относится к несколько более позднему времени, чем Яз депе и тем более Тилля тепе, все вместе они демонстрируют пример частного проявления одного общего исторического процесса: расселения родственных по культуре, а скорее всего и по происхождению, племен, с той лишь разницей, что Нади Али фиксирует его наиболее поздний этап.

Имеющиеся прямые археологические факты говорят о вполне ощутимой связи истории Бактрии, Маргианы и Дрангианы, связи, обусловленной общностью их исторических судеб. Возможно, сюда следует включить и Арахозию, где, как мы помним, на поселении Мундигак в начале II тыс. до н.э. жизнь едва теплится лишь на ограниченной площади, на руинах былого монументального здания, видимо, приспособленного под платформу, а былая высококачественная посуда заменяется лепной, в том числе расписной.

В свете приведенных археологических фактов и наблюдений следует рассматривать и уже упоминавшиеся теории лингвистов о родине зороастризма. Очевидно, что не противопоставляя один центр другому, не выделяя какой-то один центр за счет исключения всех остальных, а наоборот, в их культурно-исторической близости следует искать ответ на этот вопрос. Главным и определяющим являются основные признаки бактрийско-маргианского комплекса, которые помимо Бактрии и Маргианы прослеживаются в Дрангиане и Арахозии, причем здесь, как в Бактрии и Маргиане, также имеются памятники расписной культуры типа Нади Али. Очевидно, что в общей форме таким условиям отвечает обширная территория восточного Ирана, крайний юг Афганистана, Белуджистан, Бактрия и Маргиана.

В настоящее время сравнительно полные и представительные материалы происходят из Бактрии и отчасти из Маргианы, что по необходимости выделяет этот центр как наиболее перспективный в плане научного исследования. Это от-

нибудь не исключает другие в очерченной зоне, но изученные в археологическом отношении много слабее. Более того, как это уже отмечалось, возможно, что Заратуштра родился и вырос в Бактрии или Маргиане, но свое признание получил в Дрангиане или соседней Арахозии, где и была составлена первая редакция "Авесты". Не исключены и иные варианты, но на современном уровне наших знаний нет ни лингвистических, ни археологических доказательств для выделения одного единственного центра, единодушно признанного всеми специалистами. Ясно лишь одно, что зороастранизм как этико-философское, религиозное учение возник и получил свое окончательное оформление в восточноиранском мире, подразумевая под этим выделенную зону, северные пределы которой ограничиваются Бактрией и Маргианой. Именно здесь в предшествующее время были распространены религиозные верования и культовые ритуалы, отчасти находящие свои соответствия в данных "Авесты".

Предполагаемое широкое расселение племен по времени совпадает с упадком хараппской цивилизации долины Инда, где несколько позднее появляется "Ригведа", письменные данные которой местами не только совпадают с "Авестой", а как бы повторяют ее тексты. До самого последнего времени многие авторы традиционно связывали гибель этой индийской цивилизации с так называемым арийским завоеванием. В специальной литературе уже неоднократно отмечались явные следы упадка в позднем, заключительном периоде столичного города Мохенжо Даро, когда на смену регулярной планировке внутри этого города приходят небрежно выстроенные дома, а на былых магистральных улицах ютятся крошечные лавки уличных торговцев и мастерские ремесленников. Близкая картина явного упадка наблюдается в другом городе — Чанху Даро, где на смену регулярным городским кварталам приходят бессистемно разбросанные дома, а в другой столице, в Хараппе, отмечены признаки преувеличенного внимания к обороне города.

Сторонники гибели хараппской цивилизации вследствие арийского завоевания особый упор делают на обнаруженную во время археологических раскопок группу скелетов в бессистемном положении в нижнем городе Мохенжо Даро. В противовес этому другие специалисты подметили, что по крайней мере часть этих скелетов относится к периоду на

несколько веков позднее, чем предполагаемая гибель хараппской цивилизации. В другом случае одна такая группа скелетов, хотя и относится к хараппскому периоду, тем не менее и она оказалась перекрыта сверху зданием позднехараппского времени и поэтому не может относиться к финальной поре существования жизни в этом городе. К тому же наиболее внимательные из авторов, как например Ж. Жарриж, установили, что по крайней мере десятисантиметровая прослойка земли разделяет скелеты между собой, что, в свою очередь, указывает на их разновременность. Правда в верхнем слое Мохенжо Даро было обнаружено пять скелетов, погребенных под грудой кирпичей, но и они в равной степени могут быть жертвами простого обвала или даже какого-то убийства. Во всяком случае, руководитель раскопок Э. Маккей склонен был усматривать в этих скелетах не столько жертвы внешнего вторжения врагов, сколько жертвы грабителей, спускавшихся с гор для грабежа уже агонизировавшего города.

Приведенные наблюдения археологов, если и не опровергают драматическую гипотезу гибели хараппской цивилизации долины Инда, то ставят под сомнение абсолютную достоверность такого допущения.

С другой стороны, общеизвестно, что хараппские слои ряда древних поселений долины Инда сверху перекрывают слои более поздней культуры Джукар, общий пришлый характер которой признается большинством авторов. Английский ученый С. Пигготт первый отметил, что посуда культуры Джукар сочетает в себе керамические традиции как хараппские, так и Белуджистанские при вполне очевидных внешних связях, уходящих в северо-восточный Иран, к посуде жителей уже упоминавшегося Гиссара. В то время еще не были известны материалы белуджистанских поселений типа Мергар-Сибири и предполагаемого могильника в городе Кветта, находящие отдаленные аналогии в культуре Джукар. Не исключено, что действительно происхождение этой культуры (пришедшей на смену хараппской) до определенной степени было связано с вышеупомянутыми новейшими материалами, полученными в самые последние годы французской экспедицией в Белуджистане. Но если предполагаемая связь древней посуды культуры Джукар и Белуджистана еще требует дополнительных доказательств, то более определенно и явно прослеживается она в области глиптики.

Уже при первых раскопках слоев джукарской культуры, свыше полувека назад, Э.Маккей обратил внимание на каменные амулеты и печати, которые резко отличались от местных хараппских предшествующего периода, но зато близко напоминали такие же, происходящие из Ирана. Теперь становится очевидным, что гравированные изображения на таких амулетах далеко не случайны, а напротив, являются отражением далеких культурных традиций. Но в таком случае сходство их на столь отдаленных между собой территориях предполагает и определенную общность создававших их людей. Не противоречат такому предположению и хронологические рамки существования Джукарской культуры и бактрийско-маргианского археологического комплекса, что в свою очередь совпадает со временем появления памятников типа Мергар-Сиби в Белуджистане. Можно допустить, что люди джукарской культуры до определенной степени связанны с историей расселения племен в Белуджистане, но и в таком случае не следует излишне драматизировать предполагаемые события и связывать их с ужасами арийских завоеваний.

В самом деле, выше было показано, что в распоряжении археологов нет бесспорных данных, которые указывали бы на гибель хараппской цивилизации в результате исключительно военного вторжения. Более того, судя по результатам раскопок верхних и, в таком случае, наиболее поздних по времени слоев, люди джукарской культуры, кто бы они ни были, заселили город уже после того, как он был оставлен горожанами и какое-то время оставался полностью заброшенным. Иначе говоря, люди джукарской культуры реоккупировали старые города уже после того, как они были полностью оставлены жителями. Но в таком случае возникает закономерный вопрос: по каким причинам был оставлен город и куда ушло его население? Последний вопрос достаточно просто решается в результате археологических обследований далее на восток от долины Инда, на территории современной Индии, где выявлены многие десятки поселений позднехараппского времени. Среди специалистов нет никого, чтобы сомневался в том, что выходцы долины Инда колонизировали более восточные области.

Зато более сложен вопрос о причинах ухода коренного населения с насиженных мест в поисках новой родины. Ду-

мается, что частичный ответ дает уже отмеченный ксеротермический период, охвативший всю Переднюю Азию, и в том числе, по-видимому, долину Инда. В сущности уже были высказаны гипотезы, согласно которым запустение хараппских городов, возможно, является следствием природных факторов, возможно — катастрофы, связанной с наступлением ксеротермического периода и резким обеднением экологической среды. В подтверждение такой гипотезы, в частности, допускается образование естественной песчаной дамбы в главном русле Инда, вследствие чего изменился общий режим в распределении воды во всем индском бассейне.

Как видно из вышеприведенных фактов и наблюдений, в настоящее время вырисовывается следующая ситуация: предположительно вследствие естественных факторов, возможно, сразу нескольких, условия существования городской цивилизации резко ухудшаются. Изменение экологической среды могло привести к переселению местного населения далее в восточном направлении, где и располагаются постхараппские памятники. Вскоре с запада сюда вступают новые племена, которые еще раньше вынуждены были сняться с веками насиженных мест и также отправиться на поиски новой родины. Предположительно можно думать, что это переселение было обусловлено наступлением ксеротермического периода на их былой родине. Вступив на равнину долины Инда, пришельцы застали здесь незадолго до того оставленные города типа Хараппы или Мохенжо Даро, которые они частично заселяют. И совсем не обязательно связывать приход новых племен, которых мы по археологической номенклатуре называем принадлежащими к джукарской культуре, с погромом, в результате которого гибнет местная хараппская цивилизация. К сожалению, наши сведения об этой интригующей культуре минимальны, но все, что мы знаем, указывает на преимущественно мирный приход новых племен, что, разумеется, не исключает отдельных, сугубо локальных, стычек.

Казалось бы, в предложенной гипотезе слишком много племенных передвижений или, иначе, миграций, но достоверным фактом остается историческая картина, обозначенная новейшими археологическими открытиями. Пожалуй, все исследователи согласны с тем, что в начале II тыс. до н.э. приходят в запустение практически все крупные поселения

Ирана, Афганистана, индийского субконтинента, южных областей Средней Азии. Внешним проявлением этого процесса являются заброшенные древние города и поселки, перемещение центра жизни из одного региона в другие. Налицо появление совершенно новых археологических культур или, иначе, новых племен и даже племенных объединений. Конкретизация этого процесса — дело будущего, но уже сейчас можно говорить о том, что он носил глобальный характер и охватил практически всю Переднюю Азию. Причины этого, возможно, отчасти коренятся в исторических событиях, но, думается, основным являлись природные факторы, а именно — наступление ксеротермического периода и, как следствие этого, расселение древних племен в поисках плодородных земель. Подобно цепной реакции, в этот предполагаемый процесс вовлекались все новые племена, глухие отзвуки чего докатываются до бассейна Амударьи и Мургаба с одной стороны и Инда — с другой. И хотя детализация предложенной схемы потребует все новых доказательств, остается фактом, что лишь культура Бактрии, Маргианы и восточного Ирана находит свои впечатляющие соответствия в Белуджистане, и хотя и в меньшей степени, но и в культуре Джукар — уже на индийском субконтиненте.

Открытие археологов послевоенного времени имеет принципиально важное значение для решения арийской проблемы в целом, оно намечает совершенно новые аспекты старой проблемы — от чисто лингвистических построений появилась возможность перейти к археологическим доказательствам.

К сожалению, мы до сих пор не знаем с точностью, откуда эти родственные, скорее всего индоиранные, арийские племена появляются здесь после их разделения на былой родине. Наиболее вероятной промежуточной их прародиной можно считать восточный Иран, тесные многовековые связи которого с Эламом, а через него с Месопотамией не вызывают сомнений. Выше было установлено, что их пантеон, по крайней мере в Бактрии, содержит божества, восходящие к сирохеттским, частично митаннийским прототипам. Но эти божества пришли к индоиранным на их былой, общей прародине через эламское посредничество, когда они из северной Месопотамии проникают на юг страны. Во всяком случае, отмечаемые эламо-месопотамские связи бактрийско-марги-

анского пантеона, хотя и в опосредованной форме, но бесспорно восходят к сиро-хеттским, и в том числе митаннийским, божествам, что никак не может быть игнорировано нами. И здесь следует отметить: широко бытующее мнение лингвистов, о том что зафиксированные в Митаннийском государстве индоиранные, арийские имена и термины были принесены сюда выходцами из степей Средней Азии, как это, например, предполагают такие крупные наши специалисты как И.М.Дьяконов или А.Парполя, — не отвечает прямым археологическим данным. Напротив, все, что сближает сирохеттский, и в частности митаннийский, мир с бактрийско-маргианским указывает, если и не на прямое влияние, идущее с запада на восток, то по крайней мере на их общую подоснову, пока еще не выявленную в науке. При всех возможных вариантах ничто с точки зрения археологии не указывает на влияние, идущее из среднеазиатских степей в Митанию.

Кажется никто не ставит под сомнение вопрос о том, что зороастризм возник в индоиранской, арийской среде и в таком случае на это могут претендовать пришлые племена, которые в начале II тыс. до н.э. приходят в южные области Средней Азии вместе с Бактрией с одной стороны и на индийский субконтинент — с другой. Общие их религиозные представления и культовая обрядность подчеркиваются арийской триадой — наличием на всей этой территории печатей-амулетов мургабского стиля, миниатюрных колонок и культовых сосудов со скульптурными фигурами по бортику (рис. 59). И хотя в настоящее время окончательный ответ на точную родину Зороастра и зороастризма не имеется, думается, что Бактрия с Маргианой имеют предпочтительное положение, если даже сама "Авеста" получила окончательную редакцию и оформление в Арахозии или Дрангиане.

Новейшие археологические открытия Передней и Центральной Азии намечают новые аспекты старой арийской проблемы, и в частности, дают право пересмотреть устаревшие теории по этой проблеме.

Выше уже неоднократно отмечались черты сходства между изображениями и повествовательными композициями Бактрии и Маргианы с одной и Сирии и Анатолии — другой стороны. Вспомним изображения коленопреклоненных людей с птичьими головами, близко напоминающих гениев-ду-

хов сиро-хеттской глиптики. В еще большей степени на такие параллели указывает отиск цилиндрической печати на одном маргианском сосуде с изображением крылатого птице-ловца с поверженными козлами. Близкие аналогии в Малой Азии находят композиция с акробатом, прыгающим через шест, одного маргианского цилиндра. Наконец, акробат, прыгающий через быка, одного маргианского амулета не оставляет сомнений в его сходстве с аналогичными сценами на печатях не только Анатолии, но и фресок критского дворца. Столь же показательна композиция "банкетной сцены" на косметическом флаконе Бактрии, находящая наиболее впечатляющие соответствия в изображениях сиро-анатолийского круга. В свою очередь, как это доказала М. Меллинк, подобные мотивы известны были и в эгейском мире, где подобно бактрийской сцене, в композиции участвуют обезьяны в роли культовых служек с сосудами в руках. Причем и здесь нередко из горлышек подобных сосудов торчат веточки растения, из которого готовилось само питье.

Добавим к этому печать с изображением рогатого божества, борющегося с пятиглавой змеей, вызывая в памяти миф о Геракле и лернейской гидре. Точно так же сцена на одном бактрийском амулете, где орел терзает поверженного на землю человека, близко напоминает миф о Прометее.

Эти чисто археологические наблюдения неожиданно находят соответствия в новой лингвистической теории, выдвинутой и обоснованной Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым, о бытovanии еще в М тыс. до н.э. в Передней Азии греко-армяно-арийского языкового родства, что предполагает существование соответствующих родственных племен. В дальнейшем происходит их разделение и расселение в разных направлениях, когда греческие ахейские племена в начале II тыс. до н.э. проникают в материковую Грецию. А ведь именно в это же время бактрийско-маргианские племена появляются в Центральной Азии и именно около 1900 г. до н.э. в Анатолии археологи отмечают четкие свидетельства запустения многих старых традиционно земледельческих центров. Было бы заманчиво сопоставить между собой эти факты и наблюдения и предположить, что расселение греческих, ахейских племен в Эгейде и появление новых, по-видимому, арийских племен в Бактрии и Маргиане явилось следствием одних и тех же причин. Думается, это могло произойти в результате разде-

ления былой греко-армяно-арийской племенной общности, когда одна такая волна достигает Греции, а другая — Бактрии и Маргианы, включая и соседние области от восточного Ирана до Белуджистана.

Но уже сейчас следует со всей определенностью отметить, что при этом налицо сходство в культово-религиозных мифах и представлениях при отличии общего облика комплексов материальной культуры. Иначе говоря, разделение могло произойти задолго до начала II тыс. до н.э., когда существенно изменилась их материальная культура, но сохранились старые верования и религиозные представления, самые живучие и консервативные в мировоззрении древних людей.

Будущие исследователи внесут корректиды в эту гипотезу, но уже сейчас нельзя игнорировать: отмеченные сходства не являются случайными и должны учитываться в дальнейшем. Вместе с тем следует прямо указать, что в настоящее время нам неизвестны промежуточные пункты между сиро-анатолийским и бактрийско-маргианским регионами и лишь юго-западный Иран (Элам) дает определенные соответствия бактрийско-маргианскому археологическому комплексу. И хотя конкретный механизм расселения арийских племен в Центральную Азию пока остается не совсем ясным, думается, что будущие исследования подтвердят общую линию расселения индоиранских, арийских племен в восточном направлении.

Еще десять-пятнадцать лет назад подобная книга не могла быть написана из-за двух обстоятельств. Первое: ведь до сравнительно недавнего времени наши знания о древностях Маргианы были минимальны, а о Бактрии эпохи бронзы мы практически вообще ничего не знали. Прогресс археологических исследований последнего десятилетия в Бактрии и Маргиане представил большое количество разностороннего археологического материала, бросающего новый свет на эту старую проблему.

Стало ясно, что на древнем Востоке существовали ранее неизвестные культурно-исторические центры с чрезвычайно высокой и оригинальной культурой. Это дало возможность соотнести ее с данными древнейших письменных текстов, и в первую очередь "Авесты", священной книги зороастрийцев. Второе немаловажное обстоятельство заключается в успехах мировой иранистики, и в частности — новых лингвистических изысканиях и комментариях текстов "Авесты". Для примера укажем, что еще десять лет назад сама личность Зороастра считалась мифической. Точно так же было широко распространено мнение, что в "Авесте" говорится о народе, который не только не знал оседлой жизни, но и был исключительно кочевниками-скотоводами. Утверждалось, наконец, что общество "Авесты" не знало ни кровавых жертвоприношений, ни культовых возлияний. Лингвистические изыскания последнего десятилетия дали основания пересмотреть эти, казалось бы, устоявшиеся положения и заменить их новыми, основанными на более углубленном изучении соответствующих текстов.

Таким образом на иных началах открылась возможность сопоставить новейшие археологические данные и лингвистические изыскания, возможность найти новые точки соприкосновения между ними. Нет необходимости перечислять материалы Бактрии и Маргианы в сопоставлении их с данными "Авесты". Важнее отметить документально установленный факт чрезвычайно высокого интеллектуального

уровня развития древнего населения Бактрии и Маргианы, отраженного в памятниках прикладного искусства, и в первую очередь — глиптике и сфрагистике.

Так, достаточно убедительно реконструируется трехчленная модель мира Бактрии и Маргианы, которая находит близкие соответствия в космологической концепции зороастризма. Ярко выраженный дуализм местного мифотворчества, извечная борьба змей и драконов, в конечном счете — Добра и Зла — за обладание жизнью и всем сущим на земле близко напоминает этико-философскую концепцию борьбы доброго и злого начала, составляющую основную сущность зороастрийского учения. Известны, наконец, уникальные в своем роде ритуальные сосуды со скульптурными фигурами по венчику, назначение которых в качестве сосудов, предназначенных для священного напитка зороастрийцев типа хаомы, представляется наиболее вероятным.

Можно и дальше продолжать подобные перечисления, но достаточно и имеющихся, чтобы сделать одно весьма важное заключение. Из всех известных археологических комплексов и древних народов с их специфическим обликом культуры Бактрия и Маргiana более всего подходят к тому центру, где до сложения самой зороастрийской религии существовали чрезвычайно близкие ей этико-религиозные представления, культовые воззрения и обряды. Все это отнюдь не исключает, а наоборот, предполагает возможность включения в эту зону других областей, и в первую очередь территории Восточного Ирана и Белуджистана, и лишь их слабая археологическая изученность препятствует конкретизации такого допущения.

В этом плане весьма показательно, что если одни данные "Авесты" находят свои соответствия в бактрийско-маргианском археологическом комплексе, то другие — в культуре племен расписной керамики раннежелезного времени. И видимо не случайно, что эта вторая волна расселения людей расписной керамики проходит по тем же путям и маршрутам, повторяя тот путь, что проделали почти за пятьсот лет до них племена бактрийско-маргианского археологического комплекса. Доказательством тому служат соответствующие памятники двух различных культурно-исторических кругов: в Бактрии — Даши и Тилля тепе, в Маргиане — Тоголок и Яз депе, в Белуджистане — Сиби и Пирак. В ассимиляции

этих двух конкретных традиций, которая подразумевает не только культурное, но и, что важнее, этническое смешение и следует предполагать сложение того нового народа, что вскоре назовет себя ариями.

В таком случае арии и индо-арии представляют собой два ответвления одного корня, и нет никакой необходимости выводить последних от первых. Именно в этой среде и следует искать истоки зороастрийских культов, которые затем, хотя и в переработанном виде, но вошли в последующую зороастрскую религию. Храмы типа Тоголок-21 — это те дозороастриские храмы, в которых практиковались культовые церемонии и культовые обряды, что были затем в реформированном виде включены Зороастром в его новое учение. Уже сейчас очевидно, что среди известных культовых сооружений Передней Азии лишь Тоголок-21 демонстрирует почитание двух основных культов: огня и культовых возлияний. И именно эти два главные культа находят свое продолжение в текстах "Авесты" и "Ригведы", что исключает элемент случайного совпадения. И почти можно не сомневаться, что будущие археологические открытия в очерченной зоне приоткроют нам новые страницы в истории этой религии.

В свете приведенных выше фактов и наблюдений кажется, что нужно заново пересмотреть устоявшееся в науке мнение и считать, что родиной зороастризма является восточный Иран с прилегающими областями Средней Азии, откуда это учение затем распространяется на запад. И хотя пока еще трудно с точностью сказать, где же находилась родина Заратуштры, время его жизни не может быть ранее, чем первые века I тысячелетия до н.э. — где-то в пределах X-VII вв. до н.э.

Археологические открытия в Бактрии и Маргиане намечают и новые аспекты в дальнейшем исследовании митраизма. Лингвисты и историки религии доказали, что в дозороастриское время у восточноиранских племен существовали свои божества, среди которых главные: богиня Анахита и бог Митра. Выше мы попытались показать, что новейшие археологические данные из Бактрии и Маргианы дают основание предположить их глубоко местные прототипы.

Все эти новые направления в исследовании древних религий и верований далеки от окончательного решения, но они открывают совершенно новые перспективы в этом на-

правлении. И можно почти не сомневаться, что будущие открытия археологов внесут корректизы и уточнят наши нынешние предположения. Сейчас мы стоим лишь у самого начала этого многотрудного, но в высшей степени увлекательного пути общечеловеческого познания.

Пока еще трудно судить, где же конкретно находилась родина Зороастра и его учения — в Бактрии или Маргиане, восточном Иране или Белуджистане, — хотя академик В.В.Струве был убежденным сторонником того, что наиболее вероятным местом являлась Маргиана и соседние с ней области. Доказательство тому он видел в том, что только одна авестийская страна — Моуру, то есть древнеперсидская Маргуш, греческая Маргиана — определяется как верующая в Аша, т.е. в основу основ учения Заратуштры. "Закон Аша — персонификация незыблемого правопорядка, на котором зиждется все благое", причем подобная характеристика не дается больше ни одной из перечисленных стран в "Авесте". На основании этих и других данных академик заключал: "Я поэтому вижу в данном указании первого фаргарда Видэвдата свидетельство, подкрепляющее мое положение о том, что Маргиана являлась первой областью, в которой народные массы примкнули к учению Заратуштры". Завершая свое исследование, академик В.В.Струве писал: "Я пытался доказать, что Маргиана и соседние с ней среднеазиатские области были родиной зороастризма", — что для своего времени имело значение крупного научного открытия. И хотя до сих пор существуют различные другие гипотезы, согласно которым родину Зороастра помещают от Мидии (западный Иран) до Дрангианы (крайний юго-запад Афганистана), думается, лишь комплексные археолого-лингвистические изыскания будущего смогут уточнить и конкретизировать эту сложную проблему. Пока же, с точки зрения чисто археологических наблюдений и фактических материалов, данным "Авесты" более всего соответствуют древности Бактрии и Маргианы, что, конечно, не исключает дополнительных уточнений в будущем. Но в конце концов, не так уже и важно, по каким пыльным тропинкам брел осмеянный всеми пророк Заратуштра в начале своей деятельности и по каким широким дорогам встречала его бурно ликующая толпа в конце его триумфальной победы. Важно, что основные концепции новой религии находят свои преимущественные источники в эти-

ко-философских воззрениях, что были широко распространены до него в восточноиранском мире и в том числе — в Бактрии и Маргиане.

Литература

- М. Бойс. Зороастрцы. Верования и обычай. М. 1987.
- Бонгард - Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М. 1983.
- Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М. 1980.
- Дорошенко Е. А. Зороастрцы в Иране. М. 1982.
- Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М. 1961.
- Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М - Л. 1965.
- Дяконов И.М. Восточный Иран до Кира. //История Иранского государства и культуры. М. 1971.
- Лившиц В.А. //История таджикского народа. М. 1963.
- Погодин А.Л. Религия Зороастра. СПБ. 1903.
- Фрай Р. Наследие Ирана М. 1972.